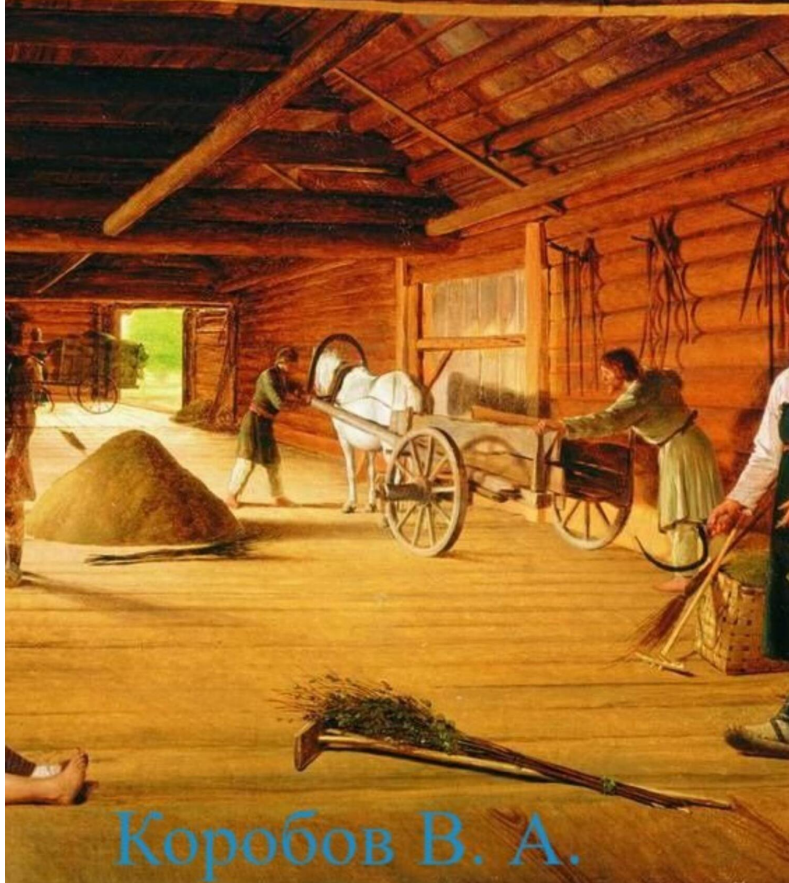

Хозяин барин

Коробов В. А.

Виктор Анатольевич Коробов

Хозяин барин

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69817030

SelfPub; 2023

Аннотация

Пенсионер меняется телами и судьбами с помещиком и переносится на 200 лет назад.

Виктор Коробов

Хозяин барин

Барин

Мне повезло с пенсионным возрастом. Родись я позже на полтора месяца, и на пенсию в 60 лет не ушёл бы. Но, кажется, этим везение и ограничилось. Уже через день после дня рождения мне предложили уволняться.

Это было неожиданно: я не считал себя плохим работником. Да, новое изучать в моём возрасте трудно, но общеобразовательная база, физика и математика – в этом я почти всех молодых превосхожу. За исключением двух или трёх, самых талантливых. Ну и за 16 лет работы в корпорации «Тактическое вооружение» неплохо разобрался с управлением автономными летательными аппаратами, можно сказать, эксперт по тому, что уже сделано. В общем, я подозреваю, что нашёл-ся желающий занять мою скромную должность начальника научной группы. Зарплата невелика, но в остальном местечко тёпленькое, а в наше не слишком жирное время претенденты находятся.

Я мог бы судиться – работать с госучреждениями, в том числе и с судом, я умею. А вот навязываться не люблю. Если меня не оценили, допустили ошибку, то хуже должно быть им же, а я поищу другие возможности. Кроме того, как ни странно, суд я мог и не выиграть. Начальник отдела намекал

на тестирование по разным программистским инструментам – его я явно провалю, а это в наше время достаточный повод для увольнения.

Для меня увольнение оказалось особенно неприятным: дело в том, что я остался в одиночестве. Жена умерла три года назад, в возрасте 55 лет, рак мозга. Наша единственная дочь живёт в Сингапуре. Вот так – мы с женой радовались, что она со второго курса МГУ переехала в Варшаву по обмену, а затем в Англию. Получила в Англии диплом бакалавра, затем вернулась в Польшу и стала магистром. Нашла работу в очень солидной фирме, гигантской программистской корпорации. Ну, она сама не программирует, а типа менеджера, даёт технические задания, в общем, посредник между программистами и пользователями. Хорошее начало карьеры, в Сингапур перевели с повышением, вот только я годами сижу один в своей хрущёвской двушке...

Я не сразу осознал своё положение. Сначала надеялся найти работу – ведь на большую зарплату я не претендую. Например, хотел попробовать преподавать в школе, те же физику и математику. Возможно, где-нибудь в глуши меня бы и взяли, там, где учителей не хватает. Но в ближнем Подмосковье все места плотно заняты, и без профильного диплома, без опыта работы... Мне даже не дали возможности объяснить, что на самом деле я справлюсь лучше многих. А если бы и дали – та же проблема, из-за которой меня уволили: есть другие претенденты, молодые, настойчивые.

На корпорации типа «Энергии» я с самого начала не очень надеялся: если и возьмут, но на самую низшую должность, что косвенно подтвердит правильность моего увольнения.

Ну, ещё я пробовал сдавать комнату в своей двушке. Но компания гастарбайтеров из Таджикистана меня не устроила, а других желающих оказалось немного. Только один раз я сдал комнату на месяц девушке абитуриентке и её маме. Да и то, много раз подумал, что десять тысяч – очень мало за целый месяц жизни с этими особами.

Единственное, что мне удалось – это репетиторство. Да и то – относительно удалось. Только один раз, ненадолго, у меня было четыре ученика. А обычно – два или три, иногда даже один. Да, это хорошая прибавка к пенсии, от которой после обязательных выплат остаётся немного. На скромную жизнь как раз хватает. Но времени свободного много, гораздо больше, чем было бы полезно и приятно.

Буквально за пару месяцев я понял, что сидеть часами перед компьютером – это не моё. Я от этого закисаю, становлюсь мало на что способным, болезненно ленивым.

Вот так и получилось, что я стал совершать регулярные прогулки дважды в день. В сумме старался не меньше 2.5 часов гулять, а чаще три, если погода нормальная. Зимой даже и на лыжах.

Его я сразу выделил, как что-то необычное, с первого взгляда. И даже не из-за одежды, хотя напрашивалось именно это.

Я от природы особой наблюдательностью не отличаюсь. До самой пенсии не засматривался на то, что мне не интересно. Но всё изменилось полтора года назад... Это одиночество посреди процветающего города быстро меня изменило. Мои прогулки – это не преодоление маршрута на скорости 6 км/ч, а неторопливое движение с разглядыванием и анализом того, что вижу. А вижу я, если не считать людей, одно и то же. Дома и машины в городе, деревья в парке. А вот люди... Очень быстро я научился многое понимать по их виду. Оказалось, это не так сложно. Утром и вечером потоки людей устремляются на работу и с работы, идут они целеустремлённо, на большой скорости, по сторонам не смотрят. Встречаются такие люди и днём, явно спешат по делам. Основные маршруты я вскоре выучил, даже удивительно, что раньше я этого не замечал. Женщины идут в детский сад, отдавать или забирать детей. Я узнал, где ближайшие детские сады. В магазин или на рынок многие идут – я как правило вычисляю, куда именно. Несколько отличается поведение приезжих азиатов, но по сути у них даже меньше возможных маршрутов.

Этот парень явно не имел никакой цели, никуда он не шёл. Подобным образом алкоголики себя ведут, или бездомные. Бесцельно слоняются, в надежде, что Бог пошлёт хоть что-то. Но парень был явно не из них, да и лет ему по виду было около 20. Конечно, не студент – это видно по его туповатому и одутловатому лицу. А вот кого он мне напомнил...

Видел я одного подобного... Мне не очень нравятся такие выражения, как «сумасшедший», «умалишённый», «ненормальный» «дебил». Вот «душевнобольной» – это уже лучше. В общем, типа Фореста Гамба, но не такой красавчик, да и ростом явно до метра семидесяти не дотягивает. Такие люди могут и потеряться, не все они нормально ориентируются. Вот парень таким и выглядел – сбежавшим из больницы и потерявшимся.

Наверно, я много раз проходил мимо подобных субъектов за свою жизнь. Но сегодня у меня уроков нет, времени сколько угодно. Если вдруг удастся ему помочь, будет явный плюс в карму. Не очень я привык к людям на улице приставать, но терять мне уж точно нечего.

– Молодой человек, не могу ли я вам чем-нибудь помочь?

– Нет, спасибо.

Перед ответом он сделал паузу секунды на три, и выговор сильно окающий. Парень явно не здешний, да и вообще, ну не так себя ведут люди его возраста.

– Вы куда идёте? У вас есть, где ночевать?

Парень улыбается, и начинает выглядеть чуть ли не симпатично – такая детская улыбка.

– Нет, ночевать негде, мне надо будет на поезде ехать, а станцию я найду по шуму.

– А есть ли у вас деньги? Документы?

Парень несколько настораживается, но отвечает, кажется, откровенно:

– Денег нет, да там охрана плохая, и вагоны без проводника. Я смогу пробраться.

– А то смотрите, я вас могу на день-два приютить, я здесь недалеко живу.

Парень просто кивает головой, и я веду его к себе. Я понимаю, что одиноким старикам лучше бы не рисковать, моя квартира может показаться жуликам лёгкой добычей, но с другой стороны... а что мне терять? Жизнь, по сути, превратилась в доживание, и сама возможность рискнуть – это подарок судьбы.

В коридоре я оцениваю, насколько же необычно он одет. Длинный пиджак, почти до колена, и это в июньскую жару! На голове какое-то подобие шляпы, тоже явно не по сезону. На ногах сапоги – это я сразу заметил, но когда он их снимает – там не носки, а портянки! От сапог несёт чем-то необычным, мне приходит в голову слово «дёготь». Да и портянки припахивают, но тут как раз ничего необычного... Ноги грязноваты и какие-то грубые, ногти не ухожены... Тапочки резиновые у меня есть, но ему я предлагаю тапки жены. У неё был 39-й размер, вот его сапоги как раз на этот размер выглядят. И он без труда туда ногу в портянке засовывает. Под пиджаком оказывается рубаха, наполовину мокрая от пота. Но какая рубаха! Это явно лён, натуральный, грубый и серый. Ткань настолько неоднородная, что очень похожа на ручную работу. По покрою – косоворотка, надеваемая через голову.

– Кушать хотите?

Парень снова кивает. Сажаю его за комп, и иду готовить. Сильно напрягаться я не собираюсь: целую пачку макарон в кастрюлю, а потом добавляю банку говяжьей тушёнки. Дёшево, быстро и сытно. И очень много.

Парень так и сидит перед компом, кажется, он до мышки и не дотронулся. Ладно, идём на кухню. Накладываю себе нормальную порцию, а парню раза в полтора больше – и это всего половина того, что в кастрюле. Парень ест очень охотно, и довольно культурно, не чавкает.

– А как вас звать?

– Арсеньев. Из Володимирских Арсеньевых. Законный сын.

На слове «Володимирских» он окает особенно сильно.

– А по имени?

– Арсений. Арсений Алексеевич.

– А я Михайлов Николай Иванович. А что, Арсений, там, откуда вы приехали, у вас были компьютеры?

– Нет, не было, – и парень выглядит несколько испуганно. Он вообще по манерам напоминает ребёнка – все мысли написаны на лице.

Я в последнее время раскопал старые игры: цивилизацию-1 и тетрис. Ну и третьих героев, эти чуть поновее. Так что включаю тетрис на малую скорость, показываю, как играть, показываю кнопки. Арсений неуклюже тычет пальцами, засыпается, и даже не понимает, как начать игру заново.

Кажется, мышку он и в руке не держал. Но через 15 минут он уже азартно стучит по клавишам, и даже сильнее, чем надо.

Вот так в моей квартире и в жизни появился барин – господин Арсеньев.

Мы с ним немного разговаривали, обычно одну-две минуты, и узнавал я о нём постепенно. Сначала я думал, что он просто слабоумный парень, с уровнем развития 9-летнего ребёнка. То есть всё понимает, уверенно за собой ухаживает, но ребёнок. Это и его склонностями подтверждалось, в том числе предпочтениями в еде. Тут ему нравилась всякая ерунда: чипсы, пицца. Я как-то раз расщедрился, купил кусочек баранины и сварил шурпу. Думал, он будет в восторге. Нет. Съел без всяких эмоций. Я стал спрашивать, набиваться на похвалу:

– Бараний суп. Я больше люблю куриную лапшу.

Зато докторскую колбасу, сделанную Бог знает, из чего, лопают как деликатес. Вкусовые добавки рулят. Ещё очень любит всё сладкое. Конфет, самых простых, может, кажется, килограмм съесть. Но один продукт произвёл на него совершенно ошеломляющее впечатление. Кока-кола.

Я её, вообще-то, редко пью. Ну, пару раз в год. А тут жара, июнь, в «Чижике» двухлитровые бутылки со скидкой. Ну и поставил в холодильник две бутылки. Налил Арсению полкружки – через три минуты он захотел ещё. Потом ещё и ещё, потом всю бутылку прикончил. Он не просил меня что-то ему купить, за исключением кока-колы. Её просил посто-

янно.

Поведение тоже детское: в тетрис и в героев играл часами, не оттащишь. Кажется, в таком возрасте девушки должны интересоваться. Я как-то пытался ему объяснить, что компьютер – это не только игры. Есть много чего, можно и с девушками познакомиться.

– Девки? Что с них взять? Мне они давно надоели, всегда одно и то же.

Я бы принял эти слова за наивное хвастовство, но ещё ни разу я не замечал, чтобы Арсений врал. Мне даже интересно было, как бы он попытался соврать. Уж больно парень прост, и все мысли написаны на лбу. И мысли это простые: игры – здорово, конфеты – здорово, кока-кола – лучшее, что может быть в жизни. Но он, кажется, и не собирался врать. Правда, и о себе старался не рассказывать. Ну ещё бы – если сбежал из спецбольницы...

Конечно, намёки были – быть по настоящему скрытным ему не по уму. Дважды он со значительным видом говорил, что он законный сын своего отца, Арсеньева Алексея Петровича. А как-то раз и вовсе... Он тогда спросил про самолёт, что это там шумит в небе. Я начал объяснять, а он...

– Николай Иванович, а вы дворянин?

– Нет. В наше время это не имеет значения...

– Это всегда имеет значение, – и сказал он это так твёрдо, что... Мне сразу вспомнилось, что я до сих пор называю этого простачка на «Вы». Что-то в нём есть, какое-то глубо-

кое собственное достоинство, при всей простоте.

– Ну хорошо, а при чём тут самолёт?

– А при том, что если вы не дворянин, то можете и соврать.

Получается, что он из идейных соображений не врёт. А что касается его дворянства... Так ведь если он из соответствующей лечебницы, так не то, что дворянином – Наполеоном быть имеет право. Ну и потом – умом его Бог обделил, ростом тоже, внешность... Я как-то глянул случайно, он как раз к холодильнику шёл за кока-колой, и подумал, что ум нормального ребёнка, причём доброго, это для человека с такой рожей очень неплохо. Вот он всё это и компенсирует – зато дворянин. Но мне-то что – я долго его у себя держать не собирался.

На третий день вечером объявил ему:

– Арсений, вы у меня две ночи переночевали, и ещё на третью оставайтесь. Но завтра утром, пожалуйста, отправляйтесь на место постоянного проживания. Вариантов я вам предлагаю два: либо просто уходите, куда знаете, это для меня самое простое; либо я вас довезу, куда вам удобно, вы ведь на электричке приехали?

Парень молчит, но его мысли читаю даже я, небольшой в этом деле умелец. Вот он смотрит на меня с сомнением, и ему чего-то явно не хочется, вероятно, упрашивать меня. Вот взгляд на компьютер, вот ещё один в сторону кухни, где в холодильнике кока-кола, и он решается.

– Николай Иванович, я знаю приличия, гостить больше недели невежливо. У вас я только третий день, но ведь вы не дворянин. Мне у вас очень нравится, я бы хотел ещё погостить. Поэтому я решил открыть вам тайну. Я дворянин, законный сын Арсеньева Алексея Петровича. У меня поместье под Ярославлем, сто три души мужескаго пола.

Ответ у меня готов заранее, мол, если я вызову полицию, то у него сначала потребуют документы, а потом, вероятно, вернут туда, откуда он сбежал. Но я не тороплюсь его пугать, это успеется в любой момент.

– И где же, Арсений, находится ваше поместье? Вот, давайте посмотрим карту в яндексе.

Как ни странно, парень довольно уверенно указывает местность километрах в сорока от Ярославля к северо-востоку. Это даже сейчас порядочная глушь, и от Волги полоса чужой земли отделяет, и от дороги на Вологду не близко. При этом он уверенно называет цифры: общая площадь – 37 000 десятин. Это участок длиной около 30 км, а шириной до 15. Довольно немало, но в основном леса и болота. Пахотной земли 670 десятин, из них почти половина, 320, помещичьи. Есть ещё покосы, луга для выпаса, цифр он называть не стал, но признал, что маловато такой земли.

– Получается, Арсений, если я помогу вам добраться в это село, Андреевка, верно? То вы окажетесь в своём поместье?

По лицу дворянина проходит тень. Он медлит несколько секунд, и говорит с явной неохотой:

– Не совсем так. Там сейчас... Там нет ни моего поместья, ни усадьбы, и даже от деревни осталось пять дворов, да и те – там зимой никто не живёт. А ведь у меня 33 двора в Андреевке, а людишек две сотни с половиною, это считая баб. Я решил вам рассказать... Но надеюсь на вашу порядочность. Я ведь вижу – вы человек благородный, хоть и не дворянин. Дело в том... Вы не сомневайтесь, я законный сын Арсеньева Алексея Петровича, дворянин и помещик. Но моя бабушка...

Заметно, что говорить Арсению очень трудно. Кажется, Стругацкие писали, что тайны обычно дело грязное. И вот, кажется, мне предстоит узнать одну.

– Она мне не бабка, а прабабка на самом деле. Она была ведьма. Но, слава Богу, умерла осенью, уже больше полугода прошло. Им ведь перед смертью полагается передать кому-то своё бремя. Лучше всего девочке, внучке, дочке, правнучке. Иногда и мужчины бывают ведьмаки, но это редкость, это тяжело. Бог её, конечно же, наказал. У неё была только одна дочь, моя бабка. Прожила она двадцать лет, и Бог её прибрал. Осталась только моя мама. И она законно обвенчалась с Арсеньевым Алексеем Петровичем, моим отцом. Это столбовой дворянский род, хотя и обедневший. А Андреевка и всё поместье – это приданое моей мамы. Родился я, а потом они поехали к родным отца погостить, да и сгорели в бане. Там семь человек сгорели тогда. Остался я с бабушкой. Она меня учила, но в основном травкам, так что я кое-что знаю

о травах. А всякому колдовству... Я когда узнал, что этому надо 50 лет учиться... То есть, это если быть как бабушка. А мне, она сказала, 500 лет надо, чтобы научиться самому простому. Ну и конечно же я...

Тут по лицу Арсения пробегает тень – он явно вспомнил ещё что-то очень неприятное. Я спешу ему на помощь:

– Значит, ведьмаком вы не стали?

– И не мог бы. Не попустил Бог такого искушения. Но дала она мне браслет – двести лет. Вот этот, – и Арсений задирает левый рукав своей широкой рубахи.

Я уже пару раз мельком видел это устройство. Сначала решил, что с его помощью следят за пациентами соответствующего заведения. Потом уже около секунды его наблюдал, и показалось мне, что это сплошной браслет из бронзы. Возможно, старинный. Да, по виду очень похож на бронзовый. Но Арсений куда-то нажимает, и браслет распадается на двое на шарнире. Протягивает его мне. Да, это не бронза, слишком лёгкий. На поверхности знаки неизвестного языка. Сделан очень аккуратно, похоже, сувенир из Индии, или Вьетнама, или ещё с какого-то курорта, и не из дешевых.

– А вот ключ, – на длинном шнурке на шее Арсения действительно ключ, небольшой, классического вида. Но вот вместо бородки – полупрозрачный кристалл, похожий на кварц. Выглядит этот ключ так, что я сразу подозреваю в этом кристалле гигабайты памяти.

– Браслет должен быть надет. Вставляете ключ вот сюда,

и поворачиваете вот так, – Арсений показывает пол-оборота по часовой стрелке, – и перемещаетесь вперёд на двести лет. Чтобы вернуться, поворачиваете вот так, – и он показывает против часовой стрелки.

– Получается, вы из какого года прибыли? Из 1820-го?

– Да. А родился я в 1802-м.

– Недавно, значит, Наполеона победили?

– Да. Как я жалею, что мне повоевать не довелось! Всё могло бы быть по другому, – и он опять косится на меня – опять неприятная тайна чуть не вылезла.

– Но как же вы мне действие этого браслета покажете? Мы вместе отправимся в прошлое?

– Нет. Только один человек может. Отправляйтесь вы, да поскорее и обратно. Надеюсь, теперь вы согласитесь, что я могу у вас погостить неделю.

Перемещаться из квартиры Арсений не рекомендовал – седьмой этаж, а желательно, чтобы высота в пределах нескольких метров отличалась, браслет корректирует место, но в какой-то неясной степени, лучше не рисковать. Я живу я юго-восточной части Королёва, до Лосиног Острова совсем недалеко. Туда мы и отправляемся. Народу немало и здесь, но если отойти от тропинок, место, на котором нас толком не разглядишь, найти несложно. Браслет легко защёлкивается, после чего выглядит сплошным. Только сейчас Арсений снимает и передаёт мне ключ.

Верил ли я Арсению? Не знаю. С одной стороны, я был

уверен, что он не врёт. С другой стороны, всё это слишком невероятно, а ведь он может быть и психом. В общем, я собирался попробовать, а уж потом думать. Ключ вошёл в скважину странно – как будто ему поле силовое не давало отклониться. Ладно, пол-оборота по часовой стрелке...

Кусты вокруг пропали, я стоял на открытом месте. В пяти метрах передо мной – грунтовая дорога. Похоже, отсюда в Москву дрова возят, а возможно, и строевой лес. В двух местах виден конский навоз. Изменилась и погода: вместо безоблачного неба и тридцатиградусной жары переменная облачность и прохладно. Кажется, ниже 20 градусов температура. Я огляделся – никого не видно. И повернул ключ против часовой стрелки.

Видел я немного, но, учитывая одежду Арсения, доказательств для меня достаточно. Я действительно приютил гостя из прошлого. Видимо, мозг постепенно осмысливает новую информацию, а мы тем временем заходим в Чижик и покупаем четыре двухлитровых кока-колы и четыре Вдохновения. Чего уж мелочиться, на фоне таких событий. Да и в любом случае его ещё четыре дня с лишним предстоит кормить, а кока-колу он по три литра в день дует.

Теперь, когда впереди ещё четыре дня с Арсением, я нахожу уместным показать ему что-то новенькое. Для начала он полтора часа режется в дурака с реальными людьми. А затем я показываю ему сериал, «Игру престолов». Он и в наше время всем понравился, а для человека, видящего кино

впервые, это просто чудо. На следующий день я уже не уверен, что для Арсения нет ничего лучше кока-колы – сериал ему не меньше нравится. Даже компьютерные игры на второй план отошли – вечером он одну серию посмотрел, а на следующий день, в субботу, пять серий.

Четыре дня пролетели быстро – сериалы и игры съедают время в любом количестве. В последний день Арсений уже с обеда стал на меня поглядывать как-то исподлобья. Не хочет домой, как раз третий сезон начал смотреть. Вечером я сам начинаю разговор:

– Арсений, есть причины, по которым мне неудобно вас здесь оставить. В первую очередь это деньги. Я небогат, мне только и хватает пенсии, что на скромную еду, очень редко на новую обувь, ещё реже на одежду. Как ни мало я на вас трачу, даже эти деньги для меня существенны. У нас с вами разная судьба, мы люди из разных эпох. Вам всё равно надо возвращаться, в этом мире вы хорошо устроиться не сможете. Нет смысла тянуть, давайте завтра с утра я отвезу вас в Ярославль, а там...

Барин смотрит на меня затравленным взглядом, и вдруг... Кидается ко мне, но по пути падает и отчётливо стучит лбом в паркет. Бьёт челом, нечто подобное я в фильме про Ивана Васильевича видел. И начинает говорить стоя на коленях:

– Николай Иванович, я ведь всё вижу, вы своё положение совсем не цените. Так отправляйтесь в имение вместо меня. Будете дворянином, по всем законам. Имение небогатое, но

всё-таки помещик, не голодранец. А вы там сумеете составить хорошую партию, вы умный, много знаете, за вас невесту с хорошим приданым отдадут.

– Арсений, не выдумывай. Никто там меня за тебя не признает. Да и здесь – это только кажется, что нас никто не замечает. А поживёшь ты без меня с недельку – к тебе полиция придёт. Покажи документы, да расскажи, куда дел хозяина квартиры. И окажешься ты в тюрьме, уж поверь, живётся там не сладко.

– Я не пробовал, но бабушка мне говорила. Браслет переносит тело, а душу – ключ. Если браслет будет на мне, а ключ вы своей рукой повернёте, то переместится моё тело и ваша душа. Вы станете дворянином Арсеньевым.

Некоторое время я думаю.

– А пойдём в лес, попробуем.

Солнце зашло, но сумерки летом длинные. В лесу, правда, потемнее. Мы заходим в те же кусты, что и в прошлый раз. Ключ висит на шее Арсения, но поворачиваю его я. И снова оказываюсь на вырубке, на сравнительно открытом месте. Воздух прохладный, чистый, и пахнет лошадиным навозом. И я действительно в невысоком теле Арсения.

Так, теперь ключ в другую сторону... Да, воздух здесь даже в лесу не очень... Так, я всё ещё коротышка. Здоровый пожилой мужик берёт ключ, поворачивает его, и исчезает. Я – это снова я. Уже не хочется подпрыгнуть от избытка сил. Рядом появляется Арсений.

На обратном пути я размышляю. Да, помолодеть на 43 года – это приятно. Моя жизнь практически закончена – я доживаю. Как там живут в 1820? Подозреваю, что не очень – вон как Арсений возвращаться не хочет. А вот мне побыть помещиком интересно. Чуть ли не абсолютная власть над крепостными, своя земля... Решающей оказалась минута, проведённая в теле Арсения. Да, невзрачное тело, но молодым быть приятно...

– Арсений, мне осенью будет 62 года. Вы что же – согласны стать стариком? Думаете, кока-кола, сериалы, игры этого стоят?

– Бабушка меня мало чему обучила, но я вижу – вы ещё долго проживёте. Лет 15-20. И я уже понял, что фильмов много, за всю жизнь не пересмотреть. И игры есть ещё и другие. И ещё всякие чудеса. Вам всё это надоело, а для меня это лучше, чем...

По лицу Арсения пробегает тень, и я понимаю, что это снова та же неприятная тайна. Вот такой он, Арсений – всё написано на лбу. На этот раз парню совсем плохо, он бормочет:

– Я всё равно должен сказать... Он всё равно узнает... Было бы неблагородно...

Арсений крепко зажмуривает глаза, напрягается, ему невыносимо тяжело, но он всё-таки еле слышно выговаривает:

– Я негодяй...

– Что же вы такого сделали?

Теперь ему явно полегчало, и он почти нормально говорит:

– Я настоящий негодяй, на самом деле. Комиссия признала меня негодным к военной службе.

– Хотели служить?

– Это единственная возможность. Когда я понял, что не могу быть ведьмаком, решил попасть в полк. По происхождению я могу даже быть гусаром. Но я бы согласился хоть в егеря, только бы служить. Теперь меня не возьмут даже в пехоту. Мне предстоит всю жизнь провести в имении, как в тюрьме. Мне не хватит дохода на городскую жизнь. А ваш город после деревни – это как небесный Иерусалим. И совсем близко Москва, и я смогу туда ездить. А вы... Да, за меня хорошую невесту не выдадут, а вы сможете поговорить, очаровать, понравиться родителям. С хорошим приданым сможете в Ярославле поселиться...

– Ладно, Арсений, я согласен. Но надо подготовиться, на это уйдёт два-три дня.

Звоню дочери через интернет, чтобы видеть, а не только слышать. После приветствий и обычных вопросов, перехожу к делу.

– Маш, помнишь, ты мне помощь предлагала? Думаю, это время пришло.

Дочка слегка напряглась, но кивает.

– Сейчас я хорошо себя чувствую, но у меня есть один

знакомый, он хороший врач. По его словам, мне грозит деменция и частичная потеря памяти. Я останусь нормальным человеком, смогу себя обслуживать, но вот быть репетитором больше не смогу. Буду смотреть сериалы, играть в игры, иногда гулять. В общем, полтора года спустя выхожу на пенсию по-настоящему. От тебя мне понадобятся три вещи: во-первых, оплата ЖКХ. Ты же сможешь делать это из своего Сингапура?

– Да, папа. У меня сохранились счета в ВТБ, перевести доллары в рубли там можно. Тем более оплатить ЖКХ, – кажется, дочка думает, что я с самого простого начал.

– Второе: оплата интернета.

– Ну, это в России недорого.

– Да. Но важно. Без интернета пенсионеру скучно живётся. Ты, пожалуйста, не забывай, или поставь автоматический платёж со своего счёта. Ещё – если будут проблемы с провайдером, сможешь на нового перейти дистанционно?

– Конечно. Сейчас весь мир дистанционно работает.

– И последнее. Понимаешь, я хоть и останусь нормальным вменяемым человеком, но если поглупею... Хочу, чтобы ты меня запомнила умным. Я могу прожить ещё долго, но прошу тебя на серьёзные темы со мной не говорить. Так, по делу если только. Ещё и эти провалы в памяти – кто знает, что именно я забуду? В общем, как ни странно, я на всякий случай с тобой прощаюсь.

Дочка взгрустнула, зато заверила, что такие платежи, как

за ЖКХ и интернет для неё проблема небольшая, и она обязуется за этим следить.

Учу Арсения пользоваться банковской карточкой и старым смартфоном. Последним – в урезанном виде, самое основное только. В воскресенье идём с ним в церковь. Я опасался, что его будет трудно оторвать от компьютера, но нет, в церковь он идёт охотно и молится очень искренне. Храм ему очень нравится, и он признаётся, что во всём его имении храма нет ни одного, и поп приезжает раз в год, проводя оптом все крестины, отпевания и свадьбы. Можно еще ездить в Тимохино или Грешнево, но ему там неудобно, потому что надо бы и к местным помещикам заезжать, а они не приглашают.

Хозяин

В понедельник рано утром, ещё и шести нет, мы с Арсением выезжаем в Ярославль. Завтракаем в электричке, я ещё и рюкзачок маленький с собой взял – мне ещё от Ярославля до имения добираться. Волнуюсь я не только о себе – Арсению тоже предстоит нелёгкое возвращение в Королёв с двумя пересадками – в Александрове и в Мытищах. Конечно, он сумел добраться без билетов и без документов, а сейчас у него и билеты все три куплены, и мой паспорт будет, и картонка с адресом – можно обращаться за помощью. Есть и деньги на карте – больше двух тысяч. Через три дня – пенсия должна

поступить. Он, впрочем, знает, что такое деньги и почему их надо экономить.

Мы переходим Волгу и ещё час идём до местного лесопарка Яковлевский бор. Арсений уверяет, что обратный путь найдёт без труда. Здесь в понедельник безлюдно, и мы даже в заросли не забиваемся, просто отходим с дорожки метров на 50. Я надеваю рюкзачок на Арсения, обнимаю его на прощание, и поворачиваю ключ. Кругом уже не лесопарк, а настоящий лес. Ну и прохладнее тут, конечно.

Да, странно – я обнял Арсения совершенно искренне. Кажется, трудно найти людей настолько разных, но мы подружались. Он ведь не только очень честный, он какой-то чистый, не испорченный. Дворянская гордость имеется, но она не прёт из него, а вот христианское смирение проявляется постоянно. В наше время оно куда-то подевалось, редко в ком есть, да и то какими-то обрывками. Ну и обмен телами делает нас близкими людьми.

Я ещё раз оглядываю тело, теперь моё. Да, ни красоты, ни силы, ни роста. И ещё... Ведь учил я его мыться под душем, и он мылся. Почему же не отмыл толком интимные места? Ладно, отмою сам. Пока что мне предстоит пеший марш по незнакомой местности в неудобной одежде.

До имения ещё 30 км лесом, но, по словам Арсения, есть дорога. Ну как, дорога – летом может проехать конный, а зимой даже и сани, если снегом не сильно занесёт. Дорога должна проходить южнее, и я по солнцу иду на юго-восток.

Часы я взял себе, мне без них непривычно, так что по солнцу могу ориентироваться. Новый, подаренный дочкой смартфон тоже со мной, но GPS здесь не работает.

Около километра пробираюсь через подлесок, это непросто, и скорость 2 км/ч всего, но вот, действительно, хорошая тропа ведёт по курсу 75, это чуть к северу от направления на восток, как раз на румб. По такой тропе да в такую погоду я бы даже в свои 61 шёл бы не медленнее, чем 5км/ч. Сейчас мне 18, но ноги коротковаты, тело не мускулистое – иду примерно с такой же скоростью. Хотя – в таком возрасте почему бы не бежать? Перехожу на лёгкий бег – организм совершенно не возражает, лёгкие справляются, и я пробегаю с десятков километров. А вот привал не удаётся – налетают комары, и я, устав отбиваться, иду дальше.

В половине второго устраиваюсь на обед. Но не в тенёчке, как привык, а на открытом месте и на бугорке. Здесь прохладный ветерок отгоняет комаров. Есть слепни, но их немного, и я отдыхаю с кайфом. Кроме хлеба колбасы и сыра у меня термос со сладким чаем и бутылка минералки. В такую погоду лучше идёт чай. Нет, не холодно, градусов двадцать, и облачка на небе редкие. Но ветерок странно прохладный, как будто рядом если не ледник, так большое озеро.

Арсений рассказал мне дорогу, но вот насколько хорошо – я был в нём не уверен. И зря сомневался. Каждое его слово было по делу – я узнаю ориентиры, которые он назвал. Да и

тропа хороша – никаких развилок, не пропадает, достаточно натоптанная. Если не заблужусь – до темноты успею с большим запасом. В рюкзаке атлас Ярославльской области, двухкилометровка. Но мне её даже доставать не надо.

Слева хрустнул сучок – я аж сжался от страха, там кто-то есть! Медведь, человек, кабан – а у меня только складной нож, да и это тело нетренированное... Идёт сюда. Ага, это женщина с корзинкой. Закутана в платок, только лицо видно, да и то до бровей. Женщина кланяется:

– Здравствуйте, барин, с возвращением.

Корзинка у неё плетёная, грубоватая, литров на пять. Зато до верху заполнена хорошей спелой земляникой.

– Не подумайте, барин, треть ягод вам в усадьбу, как положено. Сразу туда и иду.

– А пойдём вместе. Только напomini, как тебя звать?

– Марьюшка.

– Ну, давай, помогу тебе нести корзину.

– Вы же барин.

– Ничего, всё равно никто не видит.

Последние слова женщину смутили, возможно ждёт приставаний. Но я невозмутимо беру корзину, и несу. Ну как, невозмутимо... Вроде, она не особо тяжёлая, но неудобная. В общем, и километра не пронёс, Марьюшка её обратно забрала. И как это она её тащит без видимого напряжения? Ростом она даже поменьше меня. Но, вероятно, старше, лет на 30 выглядит. Хотя в этом времени даже Арсений выглядит

заметно старше своих 18.

По дороге я затеваю разговор:

– А что, Марьюшка, далеко приходится ходить за ягодой?

– Да есть и ближе, ягода во многих местах есть. Но детишки объедают где поближе, да и пусть. А я в такие места хожу, где можно много набрать, и крупной. Меня даже во время покоса отпускают, я лучшая ягодница во всём угодье.

Вот показалась на холме красивая усадьба – это что моё? Или это издалека красиво, а вблизи будет убожество? Да, Арсений говорил, что усадьба видна за версту, как раз верста до неё и есть. Кроме большого двухэтажного дома с четырьмя колоннами видны ещё несколько построек. За усадьбой, кажется, сад, но он плохо виден отсюда. А вот парк с прудом перед усадьбой выглядит отлично – мачтовые сосны без подлеска.

Меня встречают с десяток крестьян. Или, скорее всего, это дворовые. Мужчины снимают шапки, женщины просто кланяются. Сразу кто-то побежал баню топить. Кажется, мне искренне рады. Сажают за стол на большом балконе на втором этаже – это кстати, ноги устали. Дают квас прохладный. Но он оказывается не сладким и кисловатым, так что я грамм сто всего выпиваю. Вскоре дают блюдо с земляникой в сметане. Сметана непривычная, зато земляника выше всяких похвал – крупная, спелая, сочная.

Всё это мне подаёт женщина лет сорока, я слышу, как её называют Ульяной Никитишной. Позднее выяснилось, что

это моя кормилица. Официально дворней никто не руководит, это дело самого барина. Но неофициально всем распоряжается как раз Ульяна. Она и к барскому уху ближе. В деревне же главный – староста Влас. Это не освобождённый начальник, у него своё хозяйство. Но вот, успевает ещё и следить за исполнением барщины и сдачей оброка.

Но это я узнал позже, а пока больше молчу, чтобы меня не разоблачили. А то кто их знает, как поступят. А пока что мне дают горячие щи и большой кусок хлеба. Щи наваристые, с каким-то мясом. Опять же позже я узнал, что это зайчатина. Это было единственное блюдо, зато много.

После плотной жратвы я тупо сижу и отдыхаю, а потом меня ведут в баню. Со мной в баню заходят две девицы, лет 25 по виду. Но здесь люди часто выглядят старше своего возраста. Они деловито раздеваются, потом и меня раздевают. Кажется, надо сначала помыться, но, видимо, здесь другие порядки. Девицы сразу же деловито занялись сексуальным удовлетворением Арсения. (Я пока что не привык воспринимать это тело как себя.) Девицы грудастые, фигуристые, да и на лицо не уродины.

Зато затем я парюсь аж три часа, сделав шесть заходов в парилку. Мыла здесь нет, но обе девицы вооружены мочалками, и они так усердно трут тело Арсения, что явно сдирают всю грязь и верхний слой кожи. Так что после бани я себя чувствую совершенно чистым, да и дышится легко. Тем более, что воздух тут чистый.

Уже сумерки, ложатся здесь явно рано, иду спать и я. Спальня невелика – метров 15 примерно. Кровать частично в нише, и она примерно полутороспальная, вдвоём уже было бы не просторно. Впрочем, в спальню девицы не лезут. Я очень боялся комаров, мух, других насекомых. Но здесь развешаны пучки каких-то трав, и воздух пахнет травами, вероятно, поэтому никто не летает. А есть ли клопы и блохи – посмотрим.

Первые впечатления от имения у меня выше ожиданий. Хороший дом (позже выяснилось, что два человека его постоянно ремонтируют). Баня с девицами – проблемы с сексом и чистотой она решает полностью. Я боялся вонючего туалета, но и тут всё не так. Туалет здесь же, на втором этаже. Внизу конюшня, туда всё и падает. Конюх убирает вместе с навозом. Запах из дыры скорее лошадиный, лишь принюхавшись можно уловить запах нечистот. И всё это Арсений променял на кока-колу и игры?

После маршброска за тридцать с лишним километров и бани я, разумеется, сплю как убитый. Но просыпаюсь не слишком поздно, когда воздух свежий, то 9 часов это более чем достаточно даже после такой нагрузки. Укусов на теле не видно. Позже я узнал, что о клопах здесь и не слышали, вши и блохи большая редкость. Возможно, на юге крестьяне вшивые, но здесь север. Каждую субботу – баня, моются все, и очень тщательно.

Тихо хожу по имению, осматриваю. Говорить стараюсь по

минимуму. Конюшня у меня небольшая, там живут только две лошади, жеребец и кобыла. Мой жеребец по кличке Француз, оказывается, обслуживает всю деревню. Есть и ещё два пустых стойла. Коров у меня четыре, и есть бык. Овец – целая дюжина. Свинок всего три, и свинарник на некотором расстоянии от усадьбы. Есть и курятник – восемь курочек и петух. Хозяйство небольшое, а больше скота завести не получится – покосов во всём имении негусто, и мне принадлежит только четверть. Например, пахотной земли более трети барской.

Сам дом по меркам 21 века не так уж велик. Да и спроектирован как-то без искры Божией. Кроме меня тут живут «дворовые», четыре мужика и восемь баб. Меня сначала удивило отсутствие детей, но выяснилось, что они живут в деревне, у родственников. Здесь, в усадьбе, дворовые как бы на работе. Арсений говорил о 104-х душах «мужеского полу». Оказалось, что всего у меня крестьян 258. Такой перевес женщин отчасти из-за призыва рекрутов, а отчасти из-за большей смертности мужчин.

В общем, усадьба только в первый момент показалась мне большой, потому что я боялся увидеть что-то совсем убогое. На самом же деле я за один день изучил её полностью, вместе с садом и парком. И ещё осталось время сходить на речку. Забот тут у меня никаких, только покушать зовут четырежды в день, баня же полагается раз в неделю. Так что поневоле я изучаю окрестности. И в первую очередь – Андреевку, свою

деревню.

Я боялся, что крестьяне совсем тупые и забитые. Но они показались мне не тупее наших работяг. Даже поумнее в среднем. Когда я это заметил – то испугался – мы деградируем! Но потом вспомнил, что из среды работяг изъяты самые умные, и успокоился. Здесь умникам деваться некуда, пашут, как все.

Главная особенность крестьян – это люди, брошенные в беде. Если их детям нечего есть, или они замерзают – всем пофиг. Умираешь от болезни – ну, можно молиться. Единственная возможная помощь – это кусок хлеба детям от соседей. Как хочешь, так и выживай на этой северной земле, так ещё и подати царю, и молодых парней отдай в рекруты, ну и мне, барину, надо неслабо отстёгивать. Очень неслабо – барщина – три дня в неделю. По воскресеньям работать вроде как нельзя, но это отчасти нарушается. Разве что стараются не пахать в этот день и в главные церковные праздники. Ещё и оброк, зерно, мясо, ткани – там много чего, список из двух десятков пунктов, но в основном мелочь.

Как ни странно, особого недовольства я не заметил. Кажется, все считают, что так и надо. Вроде, бывает и похуже, барщина доходит до пяти дней в неделю.

Ну и местные технологии – я об этом раньше не задумывался, а здесь увидел своими глазами. Ткани – их изготавливают из льна. Точнее, здесь тканей только один вид. Трудоёмкость производства каждой тряпочки потрясает. Лён, уже

выращенный и убранный, надо трепать, потом чесать, потом прясть, затем ткать. Каждый этап – это большой тяжёлый ручной труд. У нас женщина сидит с ребёнком – она полностью занята. Здесь у бабы, нередко и беременной, с полдесятка детей плюс корова, готовка на семью и скотину, трудоёмкая стирка в холодной воде, уборка – всё это не повод отлынивать от работы – надо находить время прясть, ткать и шить. Сундук с одеждой – это хорошее приданное. Теперь я понимаю, почему – нужны годы труда, чтобы это скопить.

Есть зимняя одежда из овечьих шкур, есть валенки, которые тоже нелегко катать. Летом основная обувь – лапти. В имении есть сапожник – один из моих дворовых. Он работает непрерывно, и у многих семей имеется пара сапог. Но обрабатывать кожу для них – это тоже тяжело, трудоёмко, неприятно.

Но по-настоящему я понял, как живётся моим крестьянам, только осенью. Мои владения – это в основном лес и болота. Не самый плохой лес – много зайцев, есть кабаны, лисы, ягоды, грибы. Увы, волки и медведи тоже есть, и немало. На болотах много уток и ещё Бог знает, каких птиц. Мне их периодически приносят в усадьбу, это важный источник мяса. Но ведь и пахотной земли немало! Почти 700 гектар, ну, двести под паром, есть ещё лён, есть огороды, хотя их на удивление мало. Но ведь и 400 гектар немало! Пусть половина – это барские, всё равно почти гектар на человека. Даже при низкой урожайности, скажем, 7 центнеров с гектара,

получается примерно столько же зерна на человека, сколько и в 2020 в России. Так Россия ещё и экспортирует.

Прозрение наступило, когда я увидел урожай своими глазами. Да, это не то зерно, что на советских плакатах изображали. Какое-то мелкое, с примесями, очень невзрачное. Ну и, оказывается, 7 центнеров на гектар здесь только с лучших земель собирают в лучшие годы. А так – 5 центнеров – уже хорошо. Даже три – не самый плохой результат, бывает и хуже! А ведь посеять надо на гектар минимум полтора центнера, а лучше два! Из этого скудного урожая надо лучшее продать, чтобы заплатить подать, хороший кусок отдать барину оброком. Оставить на посев. Остаётся всякий мусор, да и того очень мало. Немудрено, что около трети мужиков зимой уходят на подработку, плотничать или в ямщики.

Посмотрел я также на картошку... Стало понятно, почему её так мало сажают. Клубень с куриное яйцо – это хороший, довольно крупный. А в основном мелочь, да и той немного. С сотки не собирают и десятка ведер. Скотина крестьянская тоже...

Вроде, почти в каждом дворе есть лошадь. Коров – 42 на 33 двора. Есть овцы, свиней мало но есть и они. Ещё куры. Но... Да, покосов у крестьян втрое больше, чем у меня, а вот коров больше в 10 раз. Лошадей – в 15 раз. Не удивительно, что коровы мелкие, тощие, молока дают мало. Зимой их подкармливают «сечкой» – солому мелко режут, варят,

чуть подсаливают... До травки коровы доживают с трудом. Куры... я в первое время удивлялся, что мне поутру яичницу дают редко. Восемь кур – более, чем достаточно барина обеспечить. Оказалось, они несутся не ежедневно, а раз в неделю. Зимой ещё реже.

Вот куры и стали последней каплей. Ну куда годятся такие куры? Неужели трудно завести нормальных?

К осени я, наконец, понял Арсения. Добровольно обменять молодое, хотя и невзрачное тело на стариковское... Положение помещика на пенсионера... Конечно, игры, сериалы, кока-кола... Но надо здесь пожить, чтобы вполне понять. Кажется, деревня не маленькая, более двух с половиной сотен людей. Но вокруг леса и болота, нет хороших дорог. Получается, замкнутый небольшой мирок, где в дефиците любые новые впечатления. А мне, дворянину, много общаться с крестьянами не совсем к лицу. Да им и некогда, они работают. У окрестных помещиков моя репутация, кажется, не очень, да и добираться до них... Разве что, верхом, так я не умею.

Попробуйте так пожить в одиночестве – без компьютера, телевизора, даже без книг. С девками общаться не вышло – они обе, при хороших фигурах, не вышли умом. Летом я хоть по лесу гулял, загорал у реки, даже купался, хоть она и мелкая. В целом здесь климат не только холоднее, но и гораздо мокрее. В наше время болота куда-то подевались, пересохли, что-ли? А тут – не только болота – рек больше и

они полноводнее. У меня речка всего одна, и небольшая, у неё и названия нет, просто речка. Но через двести лет её не будет вовсе. А сейчас – на ней даже есть мельница.

Барину прилично развлекаться охотой. Даже псарню держат под этим предлогом те, кто может себе позволить (не я). Но у меня в деревне только три охотника и одно ружьё. Остальные двое на силки ловят, и есть у них капканы в количестве три. Все они принадлежат одному охотнику, зато другой двух медведей взял на рогатину.

Когда я рассмотрел это ружьё... Ну, я не сильно разбираюсь в оружии, но это... Наверно, запорожцы из подобных пищалей палили во времена Тараса Бульбы. Никаких патронов, порох насыпать надо, и от кремня искра его поджигает. В общем, та ещё техника, дальность порядка десяти шагов. Лук, и то эффективнее. Но, кажется, культура стрельбы из лука здесь утрачена.

Ну вот я и решил... У меня ещё на карте почти 84 тысячи, ещё немного есть наличными. Собирался потратить на одежду и обувь нормальные. Но овладела мной идея купить ружьё. Одежда меня не так напрягает, как скука. Похожу зимой в валенках и тулупе, зато поохочусь с нормальным ружьём. Может, это станет увлечением на всю жизнь. Есть же заядлые охотники, а дичи здесь – очень много.

Священник

Дело это не такое простое – например, мой смартфон давно разрядился, хоть и был выключен. Одежда... Я в своё время не слишком баловал Арсения, дал ему трусы две штуки, да носков купил три пары, и это всё. Остальная одежда – здешняя. Покупать ружьё в таком виде – проблема.

Но всё-таки я решился. Прошёл полпути до Ярославля, и впервые после того, как стал помещиком, использовал браслет. Да, теплынь! Вместо примерно 10 градусов здесь около 25! Бабье лето прекрасное, очень тепло. В 19-м веке так и летом редко бывает, а тут ещё и безветрие. Да, отвык я уже от такого, одет явно чрезмерно.

Мне везёт: в первой же встреченной деревушке есть жительница. Лилия Михайловна, учительница биологии в школе, а теперь на пенсии. Летом здесь ещё и семья с двумя детьми жила, но к сентябрю они уехали. Лилия Михайловна живёт в Ярославле, в трёхкомнатной хрущёвке с дочерью, зятем и двумя внуками. Но старается проводить в деревне около полугода, чтобы меньше стеснять родственников.

Дама охотно разрешает мне зарядить смартфон, угощает чаем с конфетами. Ещё бы она не была такой общительной... Увы, она не только рассказывает о себе, но и меня спрашивает. Приходится мне на ходу придумывать легенду. Мол, там, в лесу, в глуши, обосновались два монаха, скит построили. Я же при них послушником. Сами они в мир не выходят, тем более не общаются с женщинами, а посылают меня. Вот теперь отец Силуан хочет ружьё и патроны, будет охотиться.

Имя я назвал того охотника, который двух медведей копьём завалил. Вот зовут его Силой, и он действительно си-
лач. Нужна ли сила против медведя, ведь зверь всё равно
сильнее? А вот нужна. Чтобы хорошо ударить копьём, нуж-
ны крепкие руки, нужно твёрдо стоять на земле, ну и спи-
на, пресс – всё работает. Ещё у медведя есть такое неприят-
ное свойство – он редко быстро умирает, даже если его про-
ткнуть насквозь. Приходится его держать на дистанции тем
же копьём – шкура упирается в перекладину, которая и от-
личает рогатину от простого копья. А потом ещё и добивать
– а чем? Да простым ножом. Правда, довольно большим. Но-
жом резать медведя, который одним ударом может полбаш-
ки снести. Неудивительно, что в эту эпоху русские солдаты
считаются специалистами по ближнему штыковому бою. По-
сле драки с медведем человек смотрится хилым.

Лилия Михайловна позволяет мне выйти в интернет с её
ноутбука. Оказывается, ружей на рынке немало, есть и такие,
которые мне по карману. Но нужен охотничий билет, или
разрешение. А у меня нет паспорта, я никто, меня не суще-
ствует. Получить посылку я тоже не смогу без документов.

Начинаю искать на авито. Есть неплохой вариант, но му-
жик живёт в Удмуртии. Если только попросить Лилию Ми-
хайловну, и она получит посылку... Тем временем хозяйка
около получаса говорила по телефону со своей знакомой, и
как раз о ружье. Муж этой знакомой, Розы Марковны, умер,
и осталось ружьё, патроны, ещё что-то. Но мне его охотни-

чья одежда не подойдёт, ростом не вышел. А вот ружьё Роза Марковна готова продать за 75 000. Аналогичное в магазине стоит 73 800.

Звоню Розе уже со своего телефона:

– Как же так, Роза Марковна?

– Там патронов более двух сотен, всё вместе будет под 80 тысяч.

– Но ведь ружьё изнашивается, и ствол, и затвор. Определить степень износа трудно, проще просто новое купить. Но отец Силуан в магазин не пойдёт, а у меня нет разрешения...

Но Роза Марковна оказывается крепким орешком, и мне удаётся выторговать только пять тысяч.

До Ярославля, а Роза Марковна живёт на его окраине в частном доме, я не дойду раньше семи вечера. И куда мне ночью? Но обе дамы с цветочными именами считают, что я могу у Розы заночевать. Ей уже за шестьдесят, так что мне, почти монаху, соблазна не будет.

Я собирался просто зарядить смартфон и поискать в интернете варианты, а события стали развиваться быстро. Ладно, нет смысла тянуть, И в половине седьмого вечера, ещё засветло, я уже в доме Розы Марковны, большом, но за последние годы явно запущенном. Хозяйка не так приветлива, как Лилия Михайловна, смотрит насторожённо. Но ружьё показывает, как и патроны. По виду ружьё почти новое, и выглядит шикарно. Убедившись, что патроны как раз подходят, я перевожу согласованную сумму. Неплохо бы меня

ужином покормить, да показать мне, где буду спать, но Роза, кажется, чего-то ждёт. И точно – стук в дверь. Участкового позвала?

Нет, заходит бородатый поп в рясе, лет под полтинник, но плечистый и выше меня теперешнего на голову. Поп улыбается, протягивает мне руку:

– Отец Михаил, священник храма Новомучеников, это здесь неподалёку. Мне Роза Марковна о вас какие-то невероятные вещи рассказала. Скит, монахи, чуть ли не святые. Хотелось бы понять, кто это благословил. Или они не православные? Тогда кто?

– Отец Михаил, вам я готов исповедоваться, тогда всё и расскажу. Но вы понимаете, что дело это тайное. Что касается скита – так ведь я связан клятвой, и как ни интересно всё это Розе Марковне, ей рассказать не могу.

– Гм... Ну хорошо... У меня дома матушка и дети, там покоя не будет. А пойдёмте в храм, идти, правда, не совсем близко, но, я так понимаю, дело того стоит?

Часть пути оказалась без освещения, а уже стемнело, сентябрь. Но поп хорошо знает дорогу, а я шёл за ним. Пришлось ему отпирать и калитку, и дверь в храм, ещё и внутри одну дверь, чтобы достать крест и Евангелие. Зато у меня настоящая исповедь.

Священнику я не плету про скит, а рассказываю правду об Арсении, браслете двести лет и обмене телами и судьбами. Когда говоришь всё это вслух, звучит нелепо, даже не сказка,

а бред какой-то. Как отнесётся к этому священник?

Но отец Михаил лишь крестится и бормочет: «Чудны дела Твои, Господи...», после чего отпускает мне грехи.

– Значит вы, получается, причащались ещё в июне? После такой исповеди не грех и причаститься, но сегодня понедельник, а я здесь только по воскресеньям литургию служу. А приходите-ка вы в субботу, переночуете, причаститесь, и назад. Или вы хотите к другому священнику? Тогда можно и завтра.

– Отец Михаил, при моих обстоятельствах к другому священнику? Давайте я уж к вам приду в следующую субботу.

– Хорошо, а теперь... Не переночуешь ли ты здесь, в сторожке? У меня-то дома тесновато, или ты хочешь к Розе Марковне?

– А благословите здесь посторожить. Заодно и поработаю на церковь, Бог и зачтёт. Вот и ружьё у меня есть теперь.

Поп меня крестит.

– А вот ружьё не пригодится, ты его спрячь. И вообще, особо не усердствуй. Вот, почитай молитвослов, обойди двор разочек другой, да и ложись спать. А утром я приду рано, в 7 часов, попьём с тобой чай с бутербродами, и с Богом отправишься.

Утром, за чаем, отец Михаил ещё одну тему поднимает:

– А что, у вас там, дичи много в лесу?

– Да, а птиц на болотах – и вовсе сотнями гнездятся. Только я никогда не охотился, не знаю, как получится.

– Я тут вчера поговорил с бывшим одноклассником. Он охотник. То есть, ходит на охоту в год раза три, и даже однажды зайчика убил небольшого, почти пять лет назад это было. Если бы ты ему что-то из дичи принёс... А он бы тебе патроны, одежду охотничью, или что там тебе надо?

– Да надо то много чего, а денег у меня осталось меньше семнадцати тысяч. Патронов, как видите, много пока, а вот крепкая одежда для леса, обувь хорошая, это всё нужно. Только у меня размер ноги – вы не поверите – тридцать восьмой. Ну и, сами видите какой рост.

– Ну, поищем, может, хоть куртка подойдёт, или шапка. Он тоже не сильно высокий, хоть и повыше тебя. А ещё мы, община наша, собираем старую одежду, многие приносят, что не нужно. Раздаём неимущим, разным убогим. Одно время столько накопилось, целую комнату забили коробками с тряпьем. Но в последние годы народ несколько обеднел, так что в основном всё лучшее раздали. Ну, можно там порыться, но в основном... Половина – это пиджаки старые. Сейчас их не очень носят, вот у нас их залежи. А верхней одежды мало. Не знаю, прилично ли тебе, барину, и рыться в обносках...

– Да дело не только во мне. Вы бы видели, сколько бабе нужно работать, чтобы сделать один холст. Для них каждая тряпка дорога. А если бы ещё иголки и нитки современные, чтобы перешивать... Ведь дети у них чуть ли не голышом бегают. Летом это ещё куда ни шло, а ведь там сейчас десять

градусов и ниже. А избы там тесные, душные. Зимой хоть в валенках можно выйти да в тулупе. На всех их не хватает, так по очереди выходят. А осенью хуже...

– Ну, можно объявить среди прихожан, чтобы детскую одежду и обувь собирать. Но у нас приход небольшой, наберут немного. Можно попросить отца Олега. Он настоятель в храме Дмитрия Солунского. Тогда наберут больше, но это надо время. А пока что – вот в следующее воскресенье и посмотрим, что там у нас залежалось. И забирайте хоть грузовик. Ну, может, не грузовик, но сколько унесёте. А иголки, нитки... Мы с матушкой небогато живём, а у вас деньги ещё есть. Оставьте мне, а матушка вам и купит.

Таким образом, наличных у меня ещё поубавилось. Но хоть за еду поп денег не взял. И отправился я снова через лес – большую часть пути в 21-м веке прошёл, и суше тут, и теплее. Но даже от окраины Ярославля мне топать 40 км. Попробуйте за один день пройти. Ещё и ружьё тащу, а патроны – эх, зря я не взял свой рюкзачок. Приходится тащить патроны в руках, в старой сумке. Не тяжело, если идти один километр, а вот если сорок... В общем, я раза три решал осваивать верховую езду. Потом передумывал, и снова к этой мысли возвращался. Ну многовато это, сорок километров, даже и для молодого тела. Зато уж в усадьбе меня накормили, после двух дней в проголодь.

Ружьё захотели посмотреть не только охотники, но и ещё с десяток мужиков. Я опасался, что они тоже такое захотят,

но нет. Ружьё выглядит настолько шикарно, что каждому тут ясно – барская вещь, не для мужика. Даже не знаю, за сколько такую игрушку можно здесь продать. Я, впрочем, не собираюсь – сразу начнутся вопросы, откуда такое. И выяснится, что нигде таких не делают.

Двух выходов в лес мне хватило, чтобы понять: охота – это не моё. Там ведь не столько в стрельбе дело: надо интересоваться лесом, зверями. Где они живут, где ходят, какие повадки у них. Ну и целый день надо ходить по мокрому лесу, по болотам. Не пойму, что в этом находят фанаты охоты. Конечно, не бить дичь, которой тут в изобилии, это бесхозяйственно. Ну так у меня три охотника имеются. По здешним правилам они отдают мне треть добычи. И это ещё немного – ведь лес мой, и вся дичь моя. Так что летом утятин у меня сколько угодно, зимой немало зайчатин, да и посты зимние здесь все соблюдают.

Отдаю ружьё Фёдору, владельцу раритетного древнего ружья. Теперь он должен будет отдавать мне половину добычи. Вот он как раз готов ходить по лесу целыми днями. Не знаю, может, воображает себя барином. По его словам, на уток с этим ружьём не надо даже охотиться. Просто приходишь, и берёшь сколько надо. В среднем две утки на один патрон. С зайцами всё не так просто, тут дальнобойность не всегда помогает, но всё равно намного легче. Ну а более крупный зверь – тут есть сложности даже и с хорошим ружьём.

Я даю ему срочное задание, и вечером в пятницу он при-

носит трёх зайцев и одного глухаря. Последний красив, цветные перья, красные брови, но не очень велик. Килограмма на полтора всего. А вот зайчики выглядят не очень, линяют как раз.

В субботу собираемся затемно, и ещё в сумерках отправляемся в путь. На этот раз я еду на телеге в сопровождении двух мужиков. А потому, что кроме трёх зайцев и глухаря мы ещё везём большую корзину клюквы для Лилии Михайловны. Она упоминала, что хотела собрать дары леса для семьи, да вот, видимо стара стала. А мужики всё равно должны барщину отрабатывать, вот им и зачтётся. На телеге только я еду, мужики пешком, чтобы лошадку не грузить. Ведут её под узцы по очереди.

В 11 я уже стучусь в дверь пожилой женщины. Она явно рада возможности поговорить, а клюква, да ещё и в таком количестве, приводит её в восторг. Увы, мне ещё сегодня до Ярославля добираться, так что засиживаться некогда. На радостях добрая женщина показывает мне, где она оставляет ключ. Теперь я смогу заряжать смартфон даже после её отъезда. А за ней зять должен заехать прямо сегодня. Меня подвезти, правда, не предлагает. Ну, кто знает, какие у неё с зятем отношения.

А мы с мужиками поворачиваем на северо-запад, не к Ярославлю, а к дороге на Вологду. Туда ведёт такая же «дорога», как и к Ярославлю. То есть, не надо валить толстые деревья и нет непролазного болота. А вот молодые деревца

мужики валят постоянно, благо, топоры у них всегда с собой. Два раза вытаскивали телегу из грязи (я скромно стоял в стороне).

Около четырёх, наконец, добираемся до дороги. Грунтовой, разумеется, но в неплохом состоянии. Кто-то за ней явно следит, засыпает ямы. Мужикам я велю устраиваться на ночь и ждать меня завтра, примерно в обед или позже, а сам, с зайцами и глухарём, отправляюсь пешком. Далёко, разумеется, не ухожу, а переносусь на 200 лет вперёд. Слава Богу, здесь дорога проходит лишь метров на 70 севернее, так что вскоре я уже голосую. До Ярославля километров 15, и за 300 рублей дедуля на старом жигулёнке подвозит меня прямо к храму. До вечера ещё 20 минут. Отец Михаил радостно смотрит на зайчиков, но морщится от запаха моих сапог.

– Так ты мне всех прихожан распугаешь. Пойдём, посмотрим, нет ли чего на твою ногу. В крайнем случае наденешь тапки.

Среди сданных прихожанами старых вещей находится пара белых женских кроссовок. Уже некогда искать носки, и я надеваю их на голые ступни (и грязноватые, в бане был четыре дня назад, и после этого ещё на охоту ходил).

Я исповедуюсь за последние пять дней, и после службы мы идём к отцу Михаилу. Вскоре приходит и охотник, Василий Фёдорович. Это грузный мужчина под 60, не удивительно, что успехов на охоте у него немного. Он принёс полсотни патронов и старую куртку типа штормовки из брезента.

Получает он за это только глухаря и самого мелкого зайчика. Двух других отец Михаил оставляет себе. Надо кормить детей, а доходы у него небольшие.

Я снова ночью в сторожке при храме, а утром причащаюсь. Литургия только одна, и после неё матушка кормит нас зайчатинной и чаем с сушками. И мы с Михаилом идём к старушке прихожанке, одна из комнат её квартиры-трёшки отдана под склад старья. Тут я замечаю, что моё сознание раздваивается. 90% тряпья можно смело выбрасывать, остальное – тоже не каждый наденет. Но помещик Арсений видит изобилие дорогих фабричных тканей, хорошую фурнитуру, качественные нитки, ровный и крепкий пошив. Есть и немного обуви, три пары даже неплохие. Пока мы роемся в горе тряпья, священник заводит разговор:

– Арсений, а ведь твой браслет – это золотое дно. Надо наладить торговлю, ведь тебе там многое может пригодиться из современных вещей. Ты будешь действовать там, а тут твоим представителем буду я. Буду брать комиссию 10%. Тебе здесь неудобно без документов, а мне надо кормить семью...

– Да уже думал я об этом, отец Михаил. Ждал, когда крестьяне оброк сдадут. И что же? Получил 14 тонн зерна, но какого? Самого низкого сорта, мелкое, и с примесями. Не думаю, что вы сможете его дорого продать. А ведь перевозка такого груза – это тоже непросто. Большой реки у меня нет...

– Есть у меня один знакомый, работает он в животноводстве. Какой-то начальник, не знаю точно должности. Посове-

туюсь с ним. Может, у него и по зерну есть знакомые специалисты. Ты в следующий раз принеси зерно для образца, может, и можно такое продать, экологически чистое. И я объявлю сбор детских вещей, посмотрим, сколько удастся собрать. А пока что у меня для тебя подарок. Помнишь, ты говорил о курах? Так я выяснил – просто купить яйца и вывести кур – это трудно. Проще купить цыплят. И я уже договорился, купишь сегодня шесть цыпляток в одноразовой переноске. У тебя ведь ещё остались деньги?

Мы набиваем пять больших картонных коробок и вызываем такси. Две коробки поменьше влазят в багажник, остальные три – на заднее сиденье с трудом помещаются. Прощаюсь с отцом Михаилом, и еду сначала за цыплятами, это как раз по дороге на Вологду. Шесть цыплят, два петушка и четыре курочки, помещают в картонную коробку с поилкой и едой. Гарантия – шесть часов, но неофициально мне сообщают, что крайний срок примерно 10 часов.

Через 15 минут я уже выгружаю коробки прямо на обочину. Отношу их на 10 метров от дороги, тут уже за кустами ничего не видно, и одну за другой перемещаю в 1820 год. Минут двадцать у меня уходит на поиск мужиков, которые устроились не совсем там, где я их оставил, а дальше уже их дело – таскать коробки к телеге. Весит тряпье не так уж и много, и отдохнувшая лошадка уверенно везёт телегу. Мужики торопятся, и нам удаётся вернуться, когда ещё не совсем стемнело. Первым делом я прошу позаботиться о цып-

лятах. Они все выжили, и выглядят вполне бодрыми.

На следующий день мы с Власом изображаем Николая угодника. Предварительно распределили шмотьё, и едем по деревне на телеге. У каждого дома останавливаемся, и обитатели получают в подарок от двух до четырёх вещей. Хозяйки, которые по мнению Власа поискуснее, получают наборы иголок и нитки. Особенно повезло сапожнику: он получил три больших катушки толстой нити из синтетики. Надеюсь, его изделия теперь станут долговечнее.

Крестьяне, конечно, рады, но и слегка недоумевают. Они убеждены, что все вещи явно с барского плеча. Удобно ли такое носить крестьянам?

После раздачи слонов я, стоя на телеге, толкаю речь:

– Сами смотрите, что надевать, а что придётся перешить. А вот продавать запрещаю, как и менять, разве что внутри деревни, тут меняйте. Даром получили, так и продавать не смейте. А кто продаст и пропьёт – тот в следующий раз не получит ничего. Всем раздам, а его дом обнесу.

Для цыплят я велел построить новый курятник, больше и теплее, чем тот, что уже есть. Благо, плотников у меня много, работать на меня они обязаны...

Хотел я недельки через две повторить выезд в Ярославль-21, но увы... Зарядили дожди, грязь, и пришлось ждать санного пути по первому снегу. Благо, выпал он уже в конце октября. Болота ещё не замёрзли, снег вот-вот растает, так что путь в это время не очень. Но сани, в отличие от

телеги, в грязи не вязнут, так что по лесной «дороге» ехать даже проще. Тем более, что путь как раз недавно прорубили.

И вот, ясным морозным субботним утром, я отправляюсь с мешочком зерна, с четырьмя увесистыми зайцами и с теми же двумя мужиками, но теперь в санях. К Лилии Михайловне не заезжаем, так что уже в половине третьего я подкатываю к дому батюшки. Настроение у меня прекрасное, а вот отец Михаил, кажется, не слишком рад. Улыбается, но как-то натужно.

– А, Арсений. Что давно не был? А мы тут объявили сбор детской одежды, но... Приход небольшой и небогатый. Обычно у всех есть одежда, из которой дети выросли, но здесь, на окраине... В общем, собрали кое-что, но не так много. Кроме одежды ещё пелёнки, два одеялка есть.

Время как раз есть, и мы осматриваем и укладываем в коробки детские вещи. Их всего-то полторы коробки. Да и то – примерно четверть откровенный хлам. Но я как получил заряд бодрости с утра, от свежего снега, от солнечного дня, так и радуюсь целый день.

– Ничего, добьём взрослыми вещами. И неплохо бы ещё ниток добавить.

– Ты же в прошлый раз этих ниток увёз... Я думал, тебе на 10 лет их.

– Наши вещи крестьянам не очень подходят. Да и размеры, в основном, велики. Они бы всё на лоскуты разобрали и сшили, как им удобнее, благо, работать не боятся. Только

сдерживает их опасение, что чудесные нитки могут закончиться.

– Гм... ну хорошо. Сейчас служба, завтра воскресенье... К следующему твоему приезду куплю. А пока что матушка даст, что может.

– Отец Михаил, вот зерно, вот зайчики, шкурка уже по-лучше. А скоро и лиса, и волк будут уже в пушистой зимней шубе. Как, есть здесь спрос на таких зверей? Выясните через Василия Фёдоровича, или ещё как? Ну и медведь – его взять не так просто, но, если надо, если хорошо заплатят...

– Василий-то всех бы взял, тот же волк – это можно уже хвастаться, не говоря уж о медведе. Да только не больно-то он богат, Василий. Ну, можно попробовать через него выйти на богатого охотника. И 10% мне, идёт? Вот, придётся Васе двух зайцев отдать, а они бы и мнегодились. Подкормить детей мясом перед постом, да и самому...

– А вы ему отдайте трёх, только чтобы он вам две тушки вернул, когда шкуру снимет. Ну, как пожертвование Богу за удачу на охоте, или ещё как.

– А так и сделаю.

Патронов у меня в итоге ещё полсотни прибавилось, а вот вещей Василий Фёдорович на этот раз не принёс. Утром, после литургии, снова идём на склад пожертвованной одежды. И я понимаю, почему Отец Михаил так кисло воспринял эту мою просьбу. Вещей прибавилось, причём именно приличных зимних вещей, а не тряпья.

– Арсений, мне от тебя пока что прибыли не так много, разве что зайчики. Поэтому ты особо-то не наглей. Вот тебе куртка хорошая, она всё равно маленькая, как раз на тебя. Да набирай ещё тряпья негодного, а хорошие вещи оставь, они мне нужны.

Куртка и вправду хороша – аляска на пуху с капюшоном, очень тёплая, как раз для 19-го века с его холодными зимами. У меня уже второй день какое-то радостное настроение, и это придаёт мне наглости.

– А вот эти штаны – горнолыжные, да? Явно женские, а мне с моими короткими ножками как раз подойдут. А женщина их вряд ли наденет из-за вот этого пятна. Подарите их мне, батюшка, мне тёплые штаны очень нужны. А вот эти сапожки – это же дешёвка, чистая синтетика. А мне по двору ходить такие лёгкие и тёплые в самый раз. Какой это размер? Сорок? Ну и зачем они вам? Ваша матушка найдёт и лучше.

В результате добиваем полторы коробки до четырёх, но две из них очень большие. И снова в процессе переборки шмотья Михаил начинает говорить о делах.

– Арсений, а что ещё у тебя есть зимой, кроме зерна, зайцев, волков, лис и медведей?

– Кабаны ещё. Но их не так просто завалить, и потом – это гора мяса, сало, крепкая шкура на сапоги и упряжь. Крестьяне и сами кабана ценят. А что – нужен кабан?

– Не знаю пока. Просто хочется наладить бизнес. Ну а лес?

Может, лесом торговать станем?

– Ну, леса у меня много. Я не специалист, но видел и большие, высокие сосны. Много ёлок, а берёз и всяких там осин и вовсе... Но вот вывоз всего этого добра... Речка у меня маловата, да и замёрзнет скоро, нет ни дорог, ни тракторов, ни лесовозов.

– А если я найду покупателя?

– Ну, наверно, можно тогда. Я перенесу на какую-нибудь полянку в лесу, а вы ищите покупателя, который и вывезти может.

– У тебя ведь деньги заканчиваются, верно? Так что ты и сам заинтересован, чуть ли не больше, чем я.

И снова в деревне праздник раздачи барахла. Детские вещи из 21-го века производят на крестьян большое впечатление. Вот только их намного меньше, чем детей. Зато нет проблем с размерами: всегда можно подобрать подходящего ребёнка.

Праздник длится недолго, а осенью в деревне скучновато. Крестьянам легче: много дел по дому, всякое ремесло, а молодёжь вечерами устраивает посиделки с играми. Игры туповаты, но суть в общении девушек с парнями. Им не скучно.

Я же с горя решил освоить верховую езду. Я много раз наблюдал, как конюх Илья выгуливает Француза, так что, вроде, знаю, как на него взбираться. И мне удаётся, хоть и не взлететь, но довольно уверенно залезть на седло. Седлали по

моему приказу, и стремена подогнаны под коротковатые ноги Арсения.

Как ни странно, у меня получается неплохо. Возможно, тело Арсения помнит навык. Ну и, конечно, жеребец помнит Арсения. Ехать шагом оказалось совсем несложно, рысью уже сложнее, но не на много, а галоп... Он и для опытных всадников может быть опасен, особенно на незнакомой местности, по бездорожью. Так что вряд ли кого-то удивляет, что я галопом коня не посылаю.

К отцу Михаилу я теперь езжу регулярно, раз в 2-3 недели. Вожу зайчиков, лис, волков. А вот с ответными подарками пока пауза. Хуже того: отцу Михаилу предложили 800 рублей за бревно – это в разы меньше, чем я рассчитывал. Так что поищем других покупателей. Поп сильно расстроился по этому поводу, ну а я не унываю. Наверно, молодое тело оптимизму способствует.

Крестьяне, что меня сопровождают с телегой, быстро соорудили на месте своего теперь уже регулярного ночлега избушку. Да, без печки, и по размерам не сильно больше палатки туристической, зато они своими телами создают там температуру выше нуля. Ну и нет ветра, уже можно жить.

Я же продолжаю активничать:

– Няня Уля, а расскажите мне о соседях: к кому было бы прилично съездить, наладить отношения? Может, кого-то к нам пригласить?

– Ах, соколик... Положение наше известно: те, кто ближе

к Ярославлю, нас ровней не считают, мы для них лесовики дремучие. Да и вотчина твоя небогатая. С другой стороны соседи – у них Волга, торговля по ней идёт. Эти тоже на нас с высока поглядывают. С третьей стороны – у них дорога от Москвы и до самого Архангельска. Ну а с четвёртой стороны, те, что ещё дальше от Ярославля... Их и барами можно назвать с трудом. По виду от богатого крестьянина не отличишь. Нечего тебе у них делать, да и дороги туда нет. А вот съездил бы ты к Пелагее Марковне. У неё и дочь на выданье, Марфуша. Постарше тебя, зато единственная наследница. Пелагея-то барыня давно уже овдовела, так вдвоём с дочерью и живут. Бабушка твоя закидывала удочку, как бы вас с ней поженить, да получила от ворот поворот. А имение у Пелагеи побогаче, мужескаго полу людишек сотни с полторы, да и дорога.

Разговор этот был прямо с утра, за завтраком, и я немедленно велю седлать Француза. День солнечный, морозный, дома сидеть грех в такую погоду. Беру и подарок: платок из тех вещей, что я не раздал крестьянам, а себе приберёг. Платок большой и очень тонкий, кажется, такие называли «газовыми» во времена моей первой молодости. Какая-то синтетика, зато ни у кого такого нет. Да и разрисован красиво.

В усадьбу Копыловых ведёт дорога, даже получше той, что в Ярославль. Раньше ездили в основном по ней, а дальше по тракту, но бабушка с Пелагеей Марковной не поладила, и стали ездить на прямую, через земли Троекуровых. Сам ба-

рин, Степан Петрович, живёт в Москве, но к нам (к покойной бабушке в основном) настроен доброжелательно.

Между усадьбами 12 километров, и я проезжаю это расстояние за полтора часа. Несмотря на снег.

Готов я ко всему: даже и к тому, что за ворота не пустят и прогонят. Но дворовые спешно открывают передо мной ворота, конюх Француза берёт под узцы.

– Смотри, приду проверить, как коня держишь.

– Не извольте, барин, беспокоиться. У меня кони в довольстве, хоть у кого спросите.

На крыльцо выходит пожилая женщина в полушубке нараспашку. Явно сама барыня. Не боится мороза, а вот мне не жарко в аляске и горнолыжных штанах. В руках у неё кубок, и она прямо на крыльце торжественно его мне вручает. Горячий сбитень после поездки по заснеженному лесу идёт на ура.

Не успел я порадоваться такой встрече, как барыня с улыбкой, но твёрдо объявила:

– Ты, Арсений, человек божий, грех тебя не принять. Но на Марфушу даже и не смотри, не по тебе это дерево. Да и не загашивайся, три дня поживи, и честь знай. А в прочем, всё развлечение, скучно нам тут. А уж как тебе в твоей глуши живётся, не хочется и думать.

Барыня ведёт меня в дом, лакей принимает аляску и шапку. У меня с собой запасной комплект одежды, и я, с разрешения барыни, передеваюсь в костюм. В нём, наверно, в

школу ходил мальчик из состоятельной семьи, и в 21-м веке я бы смотрелся жалко. Но здесь любая одежда из моего мира одинаково необычна, а костюм всё-таки лучше, чем что-то домотканое. Качество материи видно с первого взгляда, а если вещь явно дорогая, то и покрой, вероятно, ультрамодный.

Меня с дороги угощают щами, явно вчерашними. Так себе щи, у меня готовят как бы и не получше. Да и в целом усадьба... У меня хоть и грубовато всё, мужицким топором вырублено, но обновление идёт непрерывно, каждая подгнившая деревяшка заменяется, всё покосившееся выправляется, а то и перестраивается. А здесь... Усадьба не так уж и велика, больше моей раза в полтора, но не ремонтировалась лет двадцать. А в деревянных домах так нельзя. Дерево не бетон и даже не кирпич, и у нас не Египет. В общем, хоть сам барин топором и не машет, и дворовых тут не меньше, чем у меня (но, кажется, и не больше), а без мужчины дом ветшает.

После щей к гостю выходит Марфуша, и я вручаю свой подарок. Да, это дерево точно не по мне. Барышня выше меня ростом, весом и вовсе пуда на полтора превосходит. Ну и лицо – грубовато, кажется, она не сильно умнее Арсения изначального.

Мне удаётся улучшить минутку, и намекнуть барыне, что я к ней по делу. И Пелагея Марковна отводит меня в кабинет. Тут до сих пор пахнет табаком, три трубки на столике разложены. В шкафу даже есть с десяток книг. Хороший был бы

кабинет, если бы пол не был с заметным наклоном.

– Ну, говори, послушаю, что ты придумал. Но о женитьбе даже и не мечтай.

– Я уважаю вашу волю, Пелагея Марковна, и обещаю на Марфушу не претендовать. А дело у меня не о женитьбе. Познакомился я с одним купцом, а он торговлю ведёт с дальними странами. Даже не то, что с заморскими, а ещё дальше.

– То-то одежда твоя необычная, да и твой подарок – поди, от этого купца?

– От вас ничего не скроешь, Пелагея Марковна. Верно, он мне подарил кое-что из одежды. Но на одни подарки не проживёшь, а вот если бы торговлю открыть... Только зерно ему не интересно, у них там и своё есть, скот тоже больших барышей не даст, а обещал он узнать, нельзя ли продать лес. Не землю с лесом, а брёвна уже поваленные. Может, и не найдёт покупателя, зато уж если найдёт... Денег больших не обещает, да дело не в деньгах, а в заморских вещах. Вот Марфуша – красивая девушка (надеюсь, это не сочтут явной ложью), а ей бы ещё платье такое, какого и в Москве не сыщешь, весь Ярославль на неё бы одну только и смотрел. Ради такого брёвен жалеть грех. Да и вы ещё не старуха, почему бы и вам по заморской моде не одеться?

Помещица смотрит на меня с жалостью.

– Эх, Арсений. И где ты так складно говорить научился? Да не при твоём уме в торговые обороты пускаться. Ну что у тебя, у самого леса мало? Зачем ко мне приехал?

– Леса у меня не мало, и найдутся прекрасные мачтовые сосны, и ели столетние. Да вот дорога... Надо же их вывезти...

– То-то и оно, дорога. А теперь я сама с твоим купцом потолкую, тебе это не по уму, облапошит. Он где сейчас, у тебя, или в Ярославле?

– У меня он и не бывал никогда. А вы, конечно, торгуйте, Пелагея Марковна, если его найдёте. Да если он станет с вами дела вести.

– Почему это я его не найду? Если даже и ты нашёл? А дела купец ведёт с теми, с кем прибыль можно получить. И тут я больше тебя подхожу. Ты одним только и хорош: тебя легче купцу обмануть.

– Он купец особенный, не здешний. Прибыли с нас он и не чаёт получить, у него дела такие, что все наши товары для него тьфу. Он и не повезёт, поди, наш лес к себе за море. Подарит тут кому-нибудь, или построит что, может быть, даже церковь. А с меня он взял слово, что я никому о нём не расскажу, он тут на отдыхе, славы не хочет.

– А ты ему на что сдался?

– Сам не знаю. Но, думаю, вы снова всё правильно рассудили. Я человек Божий, видимо, тем ему и интересен. А то чем ещё?

Барыня надолго задумывается.

– А ты, Арсений, изменился. Вроде как поумнел.

– Так ведь при бабушке я не смел сильно умничать.

– Это да. При ней ты и рта раскрыть боялся. Да только, не обижайся, Арсений, а дура я буду, если сама с этим купцом не потолкую. Тебя, сироту, конечно, грех обижать, так что будет тебе от меня подарок. Не такой богатый, как эта твоя одёжа заморская, но для тебя и это много. А укорять меня не смей!

– Что вы, Пелагея Марковна, я ведь всё понимаю. Женщина вы умная, и хозяйствуете своим умом. Жалко только Марфушу, ведь в заморском платье, появившись она только в Ярославле...

Да, я подозревал, что Марфуша подслушивает. Ну скучно девушке годами жить в лесу с мамой. Но Марфуша превзошла ожидания. Влетела, как фурия, вот-вот накинется на мать и расцарапает. После воплей и взаимных обвинений мама вынуждена обещать, что без платья Марфуша не останется.

– Ведь так, Арсений? – в голосе грозной барыни явный нажим.

– Так, Пелагея Марковна. Только бы его наш лес заинтересовал.

День в ноябре короткий, а вчера длинные. Что делать вечером? Хозяева пытаются меня развлечь игрой Марфуши на пианино. Да и само наличие такого инструмента демонстрирует уровень культуры. Играет, правда, Марфуша не очень. Как ученица средних классов музыкальной школы. Не из лучших ученица.

Долго я её постоянные ошибки не выдерживаю, и предлагаю дамам послушать сказку. Заморскую сказку, от того купца. Марфуша оставляет инструмент с облегчением, А вот барыня поджала губы, но наотрез не отказывается. И я начинаю легенду о Берене и Лучиэнь, когда-то дочке её рассказывал раза три, запомнил. Марфуша развесила ушки и слушает, а вот Пелагея Марковна поминутно перебивает меня вопросами. В результате сказка продвигается медленно, зато слушательницы узнают о Валиноре, Нолдорах, Телери и даже о битве Финголфина с Морготом.

На следующий день, после завтрака, Пелагея Марковна показывает мне имение. Возможно, хочет продемонстрировать превосходство. Но я вижу слишком много признаков бесхозяйственности и упадка. Земли у Копыловых даже чуть меньше, чем у меня, а вот пашни больше, больше и покосов, а главное – в полтора раза больше мужиков. Да, этому имению явно пошло бы на пользу, возьмись я им управлять. Но Марфуша – ну не в моём она стиле. Мне нравятся девушки умные и изящные, а у неё как раз с этим просто беда.

Я даже собирался уехать прямо после обеда, благо, добраться засветло успеваю, но...

– Уж сказку ты нам до конца расскажи, без этого не отпущу. Я думала, ты, наоборот, захочешь подольше погостить.

– В таком прекрасном обществе, конечно, хочется остаться хоть навсегда, но дела. Я ведь хочу хозяйство наладить, да и о купце забывать нельзя.

В результате, уезжаю я на следующее утро после завтрака. Пелагея Марковна поглядывает на меня из-под насупленных бровей, она явно задумалась. Марфуша раздрается противоположными чувствами: что жених я незавидный, ей твёрдо объяснили, да и внешне далеко не гусар. Но чем-то я ей понравился, а может, надоело в девках сидеть. Девушка простовата, и общее направление её мыслей легко читается.

На обратном пути я задумываюсь. Про налаживание хозяйства я соврал, желая поскорее уехать. Но, может быть, мне и в самом деле заняться имением? Оно же теперь моё, на всю жизнь? История с курами, опять же, к этому подталкивает.

В последнее время я заметил, что уважение ко мне выросло. Крестьяне, конечно, и раньше шапки ломали, барина, вроде как, уже по праву рождения положено уважать. Но теперь тон, жесты, сама манера поведения стали уважительнее. И привели к этому не раздачи тряпья, а куры. Да, одежда крестьян очень порадовала. Но не сильно пошла на пользу моему авторитету. Барин чудит – ну, на то и барин, чтобы иногда чудить. На этот раз чудачество полезное – ну и слава Богу. А вот куры, которые даже зимой несут по пять яиц в неделю – это серьёзное дело умного человека.

Да, цыплята подросли, и «барские куры» удивили своей продуктивностью сначала дворню, а затем и всю вотчину. Уберечь яйца нереально: их тайно уносят в деревню и подкладывают местным курочкам. Выращивать цыплят кре-

стьяне умеют, и даже не жалеют им зерна. Обычно то надеются, что куры сами найдут червячков каких-нибудь, а зимой кур оставляют по минимуму. Я не против: будут у крестьян породистые куры, ну и хорошо, крестьяне-то мои.

Кур в деревне не так много, меньше даже, чем людей. Я подсчитал, что на человека в год приходится примерно 30 яиц. Одна яичница из 2.5 яиц в месяц. Даже если теперь яиц станет в пять раз больше, на основной продукт питания они не потянут. Так, приятная добавка. Но, видимо, даже такую небольшую пользу от барина крестьяне сочли доказательством умения умно хозяйствовать. Так ведь можно же и не ограничиваться курами – зерно гораздо важнее и для питания, и для продажи. Правда, и нужно его немало. Если считать и яровые и озимые, то только на барские поля минимум тонн десять нужно. Не знаю, сколько это стоит, но у меня этих денег явно нет. Что ещё? Коровы, свиньи, овцы... Всё это дорого и сложно. Вот картошка – это да, но тоже её нужно немало. Конечно, до весны ещё полгода...

Хозяйство

Увы, отец Михаил ничем не радуется, кажется, он приуныл, не найдя покупателя на брёвна. Единственная хорошая новость появляется перед Рождеством: отец Олег, настоятель в храме Дмитрия Солунского, объявил сбор детских вещей, и вот, готов собранное передать. Вещей не так много, четыре больших коробки, все влезают в одну телегу. Но качество в среднем высокое, много вещей малоношенных. Крестьян-

ские дети получают хороший подарок, а я надеюсь на плюс в карму.

Но по-настоящему доброе дело мне удалось прямо в Рождество. Вернулся с извоза Сергей, один из моих крестьян. И вернулся настолько больным, что удивительно, как доехал. Температура под сорок. Всё как у Некрасова:

Случилось в глубоком сугробе

Полсуток ему простоять

Потом, то в жару то в ознобе,

Два дня за телегой шагать.

Классик не преувеличивал: вполне реальная ситуация. Гуманизм здесь уже известен, но распространить его на крестьян пока что не додумались. К чужим же крестьянам отношение как к скоту. И это не эпитет, это буквальная правда. Лошадь, корова, мужик – в чём разница? Мужик умеет разговаривать? Ну и что? О чём с ним говорить?

Я об этом случайно узнал, мне даже не доложили. А зачем? Помощи от меня никто не ждал. Вот была бы жива бабушка...

Я зашёл в избу, посидел там. Сергею нет тридцати, но он оброс бородой и выглядит немолодым. Жена, видимо, из красивых, но тяжёлая жизнь, трое детей... Вот дети – милешки, две девочки и мальчик. Да и горе её явно не красит: не надо быть врачом, чтобы понять – Сергей умрёт. И ей тогда, и детям хорошо, если удастся хоть как-то выжить...

Дольше нескольких минут я в атмосфере перенасыщенно-

го горя не выдерживаю, иду в усадьбу. До заката ещё часа два, потом ещё сумерки, ну и снег белый, не так темно в лесу. И я решаюсь: велю седлать и Француза, и Бочку. На последней со мной поедет конюх Илья. До мини избушки рядом с шоссе тридцать километров, но есть дорога, накануне вернулись оттуда с детскими вещами. И, чередуя рысь с быстрым шагом, мы добираемся за три часа. Ещё даже и не до конца стемнело.

Лошади остаются под присмотром Ильи, а я иду к дороге, по пути переместившись на двести лет вперёд. Ловлю попутку, и, не торгуясь, еду к отцу Фёдору. Священник несколько зависает, зато матушка Антонина немедленно начинает собираться в дежурную аптеку. Я отправляюсь с ней, вечер хоть и не поздний, но темно же. На такси мы экономим, всё равно я до утра обратно не поеду. Матушка ещё раз обстоятельно благодарит меня за зайчиков, которых я уже десятка полтора священнику перетаскал. Дети мясо видят нечасто, а тут – хорошая, свежая зайчатина, если её умело потушить с луком и картошкой...

Я покупаю антибиотик, всего то четыре таблетки, но не дешёвые. А колдрексом меня обещает снабдить матушка. У неё есть запас, а срок хранения скоро истекает...

На самом деле, срок хранения уже истёк почти год назад, но... Что ему сделается, парацетамолу? Зато сразу четыре пакетика и с лимоном.

Ночью я снова сторожу храм, но ещё за час до рассвета

вызываю такси и отправляюсь в путь. А когда ночь посерела, я уже взбираюсь на Француза. Илья отстаёт: ему ещё Бочку седлать, да и помедленнее она рослого жеребца. Я его не жду. Еду сразу к Сергею, не заезжая в усадьбу.

За ночь больному стало ещё хуже, горло распухло, он дышит уже с трудом. Видимо, умрёт сегодня, в ближайшие часы. Жена совсем пала духом, даже печь не растопила. Но я на неё прикрикнул, и она метнулась как ошпаренная. Через 20 минут я уже разводил в кипятке первый колдрекс.

Проблема: больной с трудом может глотать, да и не слишком стремится. Уже больше о том свете думает. Но я ему показываю детей: давай, ради них, заглоти хоть немного. И он, преодолевая себя, отпивает грамм, наверно, 30. Я с ним уже замучился, да и с дороги устал, и минут десять его не трогаю. За это время кисло-сладкий напиток остыл, уже просто тёплый, а не горячий. А больной, кажется, немного пришёл в себя. И стал потихоньку, по полглоточка, отпивать лекарство. Когда в кружке осталось грамм сто из первоначальных трёхсот, даю ему таблетку антибиотика. И он смог её проглотить, запивая колдрексом.

– Завтра ещё приду. Вот тебе пакетик, разорвёшь его, там порошок. Порошок в горячей воде размешай, и дай ему выпить, если вечером хуже станет. А если на поправку пойдёт, так и не разрывай, я утром посмотрю.

Антибиотик я не оставляю, ибо скормит она его весь мужу сразу же. И колдрекс скормит. Дело в том, что крестьяне

– народ прижимистый. Отдать барину обратно редкое и явно дорогое лекарство – это несусветная глупость. Крестьяне не понимают, что лекарство может и повредить, они вовсе не тупые. Но, трезво взвесив шансы, приходят к выводу, что положительный эффект всё же вероятнее, поэтому надо использовать дорогую вещь на себя, пока есть возможность.

Вечером я не выдерживаю, и снова захожу к Сергею. Температуру удалось сбить, тем более, что второй колдрекс уже выпит. Термометра у меня нет, но явно ниже 38 температура. Но теперь он очень слабым выглядит. Хотя... Человек явно тяжело болен, но на умирающего уже не похож. Да и Таня, его жена, изменилась. Глаза просто лучатся, чуть ли не светятся надеждой. Да, даже завидно – меня бы кто так любил...

– Таня, сходи в усадьбу, возьми курицу, не барскую, а из старых. Скажи, я велел. Свари её, и бульон, воду то есть, в которой курица варилась, давай мужу пить. Ему сейчас силы понадобятся, а откуда они, если не есть?

Я боялся, что мне станут целовать руки, но Татьяна благодарит, сохраняя достоинство. Зато обещает не только молить за меня Бога, но и детей заставить.

Вот дети мне очень понравились – красивые, чистые, мордашки смышлёные. Особенно младшая девочка, Капитолина. Два года, но уже пытается говорить, сама залазит на печку. Такой беленький синеглазый ангелочек. Кроме того, очень послушные, совсем не капризные. Должны, вроде,

быть невоспитанными, а я таких воспитанных детей в наше время не встречал. Старшей девочке, Серафиме, нет и десяти, но это ценная помощница. О ребёнке маме вообще не надо беспокоиться, всё сделает Сима. Или вот сейчас, мама в усадьбу ушла, а Сима заварила шиповник и даёт отцу. Это я посоветовал, вместо холодной воды давать отвар шиповника.

– Я знаю некоторые сказки. Если соберёте ещё детей, так приходите в усадьбу, я расскажу.

– А с ней можно? С Капой?

– Да, но пусть не мешает.

– Она и не пискнет, да, Капа?

Я боялся, что ребёнок сейчас съёжится от страха, но Капа лишь важно кивает, и говорит «хосё».

Через 20 минут я уйду, а ещё через час приходят дети, 13 человек. Из них девочек почти половина, дискриминации нет. Дети располагаются в гостиной прямо на полу, благо, там есть ковёр и натопленная печка из стены выступает. Я усаживаюсь в кресло, и начинаю сказку о рыбаке и рыбке. Я её почти наизусть помню. Большинство детей не старше 10 лет, вот я и выбрал несложную сказку.

Дети слушают, стараясь не упустить ни одного слова. Кажется, этой сказки они не знают. Здесь, в глухой деревне, вообще острый сенсорный голод, и любое искусство идёт на ура. Сказка заканчивается, а дети смотрят на меня в полной тишине. И я не выдерживаю:

– Есть ещё сказка подлиннее, о Руслане и Людмиле...

Дети начинают перешёптываться и хихикать – оказывается, одна из девочек как раз Людмила.

– ... но она не совсем для малышей, скорее, для детей постарше...

Дети молчат, не смеют с барином заговорить, но смотрят так, что...

– Дела давно минувших дней, преданья старины глубокой...

Начало и какие-то куски из середины я помню наизусть. Именно эти «складные» строки вызывают у малышей особенный восторг. Кажется, для них это сродни магии. Но уже поздно, и сразу после похищения Людмилы я предлагаю отложить продолжение до завтра. Дети безропотно и тихо уходят, но выйдя на улицу начинают наперебой вспоминать интересные моменты, перекрикивая друг друга. Да, успех полный, мультики отдыхают.

С утра иду, разумеется, к больному. И... А нет его в постели! Оказывается, пошёл лошадь посмотреть. Он её когда рассёдлывал, почти без сознания был, вот и беспокоится. Я довольно грозно ору и на него, и на Таню: я ради них ездил в город, привёз дорогое лекарство, причём прямо ночью. А он не лежит в постели, хочет умереть, нанеся мне убыток. Лежать не вставая ближайшие три дня, горшок рядом с кроватью поставить. А там посмотрим. Отвар шиповника как раз готов, и я скармливаю Сергею вторую таблетку антибиоти-

ка. Обойдётся без колдрекса, температура на ощупь совсем небольшая, возможно, 37.5.

– Барин, детям можно к вам прийти? Сказку послушать?

– А пусть приходят. Через час, я как раз позавтракаю.

Убедившись, что покормить больного есть чем, я ухожу.

Детей на этот раз приходит аж 23. Я даже задумываюсь, а сколько их всего. Если считать, скажем, с четырёх лет и до четырнадцати, то, пожалуй, с полсотни есть. Может, и побольше. А ведь они теперь повадятся, развлечений у них немного, особенно зимой. А тут ещё я распорядился давать каждому кусочек хлеба и молока грамм по двести. Хороший белый хлеб мало где пекут, больше ржаной, и очень низкого качества.

За сорок минут я заканчиваю сказку, и разъясняю малышне перспективы:

– Я ещё и другие сказки знаю, но не всё котам масленица. Буду вас учить, чтению, письму, счёту. Так что кто хочет послушать – тем и поучиться придётся. В следующий раз в понедельник приходите, в это же время.

Следующим утром я нахожу Сергея уже почти здоровым, но послушно лежащим в постели. Не то антибиотик подействовал так сильно, не то крестьянин от природы крепок.

– Слушай, вот тебе третья таблетка, сейчас же и запей её. Так, хорошо. А всего таблеток четыре. Ты ещё полежи до завтрашнего утра, не выходи никуда. А завтра посмотрим. Если всё хорошо пойдёт – начнёшь потихоньку ходить, даже

и во двор. Только учти – ты сейчас ослаб, заболеть тебе очень легко. В полную силу работать нельзя, следующую неделю дома сиди, никакого извоза. А там, если Бог даст... В общем, молись.

Я, наконец, начал получать серьёзный доход от охоты. Волки и лисы уходят по пять тысяч, зайцы по тысяче. Зайцы – красавцы в зимней шубе. Десять процентов забирает отец Михаил, ещё десять – Василий Фёдорович. И всё-таки за месяц сорок тысяч я получил. Так что покупка полусотни тетрадей и стольких же шариковых авторучек меня не разорила. А вот небольшую доску на ножках удаётся достать бесплатно. В каком-то офисе стояла, фирма разорилась, а у отца Михаила знакомых немало. Писать, правда, приходится не мелом, а фломастерами на белом фоне. Зато видно хорошо.

Моя затея с обучением детей... Даже трудно сказать, удалась или провалилась. Дети-то неплохие, и слушаются барина точно лучше, чем наши школьники учителя. Меня иногда смешит их вид: причудливое сочетание одежды из 21-го века и самодельных вещей. Они не против того, чтобы учиться: барин сказал, значит надо. Взрослые вон тоже на барщину ходят. Но слишком они разные, от совсем маленьких до подростков. Тут ещё и посещаемость нерегулярная. В среднем примерно треть уроков они пропускают. В основном потому, что верхняя одежда понадобилась кому-то другому, или работать надо.

А ещё – они не глупые, но они другие. Мультиков не

смотрели, в интернет не лазили. Знают хозяйство да лес, да немного старых сказок. Не очень понимают, зачем им учиться. Есть у Некрасова стихотворение «В дороге», из него выходит, что учить крестьян не надо. Они потом мучиться будут, трудно образованному быть крепостным в глухом углу. Но я с поэтом не совсем согласен. Если не поощрять гордыню, мол, я образованный, выше этих пентюхов, то, может, и не помешает образование. Вон, в Европе не дали возгордиться тамошней интеллигенции. Знает своё место, не то, что наши образованцы.

В общем, план планомерно учить чтение, письмо и математику, как в СССР, не удался. Но эмпирически я нашёл другой подход. Сначала 40 минут рассказываю сказки. Благо, Толкиена или Лукьяненко можно долго рассказывать. Потом – хлеб и молоко каждому. Немного, но им нравится. Следующий урок самый серьёзный: устный счёт. Квадратные уравнения и тригонометрия крестьянам и вправду не нужны, а вот быстро посчитать – это надо уметь. Причём именно в уме, без всяких записей. И я задаю им задачи, сам выдумываю. Типа, что выгоднее: рожь сеять, или горох сажать? С подсчётом всех расходов и доходов. И надо не только считать, но и соображать: а какие будут расходы? А купят ли горох в таком количестве? Дадут ли цену? Про ботву не забыть, она на корм корове пойдёт.

И затем, после короткой перемены, урок естествознания. Тут я намешал всего, например, география с показом карт и

просто рассказами о разных странах. Да и о нашей стране, они ведь мало что знают. Ещё история. Вообще, естествознание – это в основном мои рассказы и я же отвечаю на вопросы. Биология, немного физики и химии вставляю, например, про удобрения. Они, впрочем, хорошо знают, что навоз надо на поля вывозить.

Времени у меня всё равно много остаётся, поневоле займёшься хозяйством. У меня, например, есть мельница на речке. Много раз я слышал, что мельница плохая, с трудом удаётся обеспечивать нужды Андреевки и усадьбы. И даже, того и гляди, придётся везти на Грешневскую мельницу. Это далеко, дорога плохая, да и платить надо за помол, и ждать в очереди. Я думал, дело, конечно, в реке, она небольшая совсем. Но побывал на мельнице, посмотрел, поговорил. И выяснил, что на самом деле расход воды в речке достаточен. Тем более, что сделана неплохая плотина из камней и досок. Проблема в самом оборудовании. Самое слабое место – ось, на которой вращается мельничное колесо. Ось деревянная, и стоит ей искривиться, как весь механизм застревает, и требуется серьёзный ремонт с заменой оси.

Сейчас мельница уже не работает, речка замёрзла, хотя подо льдом вода течёт. Мельник у меня не освобождённый – просто крестьянин, который подрабатывает, в основном осенью. Так же и кузнец – в кузне он работает не так много, и больше зимой, а в основном своё хозяйство ведёт.

Я занял у отца Михаила рулетку, обмерил ось, колесо, и

отправился в Ярославль-21. Оказывается, какая-то промышленность в России ещё есть. Отец Михаил делает звонок, и я еду на завод, в прошлом большой, а сейчас работающий процентов на 10-15. Токарь, которому рекомендовал меня священник, рассмотрел мой эскиз, и, узнав, что колесо весит килограмм 100-150 примерно, направил к инженеру. Мол, без расчёта нет гарантий, что ось выдержит. Инженеру лет, наверно, 70. А чё тогда меня выгнали?

– Колесо весом больше центнера? Где вы такое отыскиали? Нет, можно поставить трубу, есть у нас хорошая. Сюда и сюда втыкаем прут, обтачиваем, и ставим подшипники. А сюда можно ещё одну трубу, а на неё уже шестерню. Но странно, зачем вам? Мельница? Вам нужно сохранить старинное колесо? Нет? А тогда зачем вам этот монстр? Расход воды какой?

– Примерно полтора кубометра в секунду.

– А высота падения? Меньше метра? Ну, тогда всё просто. Больших нагрузок нет, так что... Обычная труба, стальная, из нержавейки. С подшипниками то же самое, но поменьше, это и дешевле выйдет. А колесо – берём два велосипедных колеса, навариваем уголок, вот так их соединяем уголками, примерно в тридцати сантиметрах одно от другого. На уголок болтами лопаточки, из старых плат. Это пластик с тонким слоем меди. Дёшево и сердито, и вес будет около двадцати кг, это всего, с осью, подшипниками и шестернёй. Согласны? Тогда... Всё вместе за 20 000. Конечно, колёса не новые

будут. А если хотите ось для тяжёлого колеса – то 12 000, там труба толстая нужна.

Вот так в конце января я привёз в имение ещё одну, после цыплят, полезную в хозяйстве вещь.

А в феврале всё закрутилось, прямо с первых чисел (а в 21-м веке уже и середина февраля). Отец Михаил нашёл покупателя на брёвна. Даёт нормальную цену, 5000 рублей за бревно длиной 6 метров и диаметром не меньше 30 см. Не долго думая, я велю Власу собрать на завтра команду лесорубов, человек двадцать, и с лошадьми, с санями. Заезжаю к Копыловым – Пелагея Марковна немедленно даёт добро. И даже не спросила о количестве брёвен, а ещё меня глупым считает. Я немедленно еду искать полянку. Надо чтобы и от дороги недалеко, и лес подходящий, и чтобы в 21-м веке была поблизости удобная полянка. Нахожу такое место уже на закате, и возвращаюсь в усадьбу уже в темноте. Морозец заметно крепчает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.